

Игорь Харичев

[МЫ

И
РОССИЯ]

Игорь Александрович Харичев

Мы и Россия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9479911

Мы и Россия. Размышления о нас и нашей стране. Повести, рассказы/

Игорь Харичев: Вест-Консалтинг; Москва; 2013

ISBN 978-5-91865-227-5

Аннотация

Повести и рассказы, вошедшие в эту книгу, опубликованы в последние десять лет, начиная с 2003 года. Среди них произведения, написанные как в ироничном ключе, так и в жанре серьезной прозы; есть и социальная фантастика, и старый, проверенный реализм. Все повести и рассказы объединяет одно – боль за Россию, страну с очень непростой историей, особую территорию на Земле. Настолько особую, что впору допустить: её состояние напрямую влияет на состояние всей Вселенной.

Содержание

Дары Данайцев	4
Виват, Россия, или Пронин, внук Пронина	21
Банкет	75
Глава первая, которая всё объясняет	75
Глава вторая, которая кое-что добавляет к предыдущей главе	77
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Игорь Харичев

Мы и Россия

Размышления о

нас и нашей стране

Дары Данайцев

Игорь Харичев продолжает социально-психологическую экспертизу нашей реальности. Я продолжаю эту экспертизу комментировать. Параметры те же. Хотя интонация меняется.

Интонация предыдущей книги самим заглавием намекала на игру: «Будущее в подарок». Будущее вызывало авгурову улыбку, а уж подарок точно зашкаливал к Лаокоону, боявшемуся данайцев с их коварными дарами. Однако содержание книги было сугубо серьёзно: демократическая перестройка России, с технологическими уточнениями: что делать с районами, жители которых перестраиваться не захотят. Какая уж там игра...

Новая книга Игоря Харичева, напротив, озаглавлена сугубо серьёзно: «Мы и Россия» – с подзаголовком, отваживающим читателя от всякой игры: «Размышления о нас и на-

шей стране».

Настроившись на соответствующий лад, я раскрываю первую повесть – «Виват, Россия!» и с первых строк натываюсь... на незабвенного майора Пронина, анекдотический образ которого вселён автором во внука, тоже Пронина и тоже майора.

Вот уж действительно персонаж, народом обласканный до анекдота. Причём вполне непредсказуемо. Кто знал и кто запомнил бы литератора Льва Сергеевича Шаповалова, если бы под укороченной для детектива фамилией «Лев Овалов» он не пустил бы в свет своего героя, который был вполне предсказуемым персонажем для брошюры 1941 года, напечатанной в серии «Библиотека красноармейца», а шагнул же в народное сознание – то ли как герой всамделишный, то ли как герой шуточный.

И ладно бы Харичев просто использовал легендарное имя, так ещё и обыграл, усугубив шуточность: когда успешному майору-внуку генерал прочит чин полковника, – тот отвечает: не надо, тогда-де придётся растить ещё и правнука – но тоже непременно майора...

Это уже сквозной приём книги «Мы и Россия»: отыгрыш общеизвестного персонажа.

Мало вам Пронина? – принимайте Чапая. «Где должен быть командир? – Впереди, на лихой машине!»

Заметный прогресс со времён братьев Васильевых: картофелину заменяет бутерброд с икрой, командир красуется не

на лихом коне, а на лихой машине...

Легендарный герой, перевоплотившийся из комдива в майора и перескочивший на лихой машине из 1919 года в 1941-й, сопровождает нынешнего читателя в наш 2013-й, погружая нас в мифологически-анекдотическое пространство.

Тост майора: «За *нашу* победу!» – не пробуждает ли в нашем читателе кинозрителя послевоенных лет с незабываемым «Подвигом разведчика» в заднем уме?

А ответ майора Пронина О-очень большому начальнику: «Я просто больше, чем я есть... Потому что это Россия. Здесь всё больше, чем оно есть», – не пробуждает ли читателя стихов, помнящего, как великую строку Евтушенко переколпачивали опять же в тост: стакан в России больше, чем стакан? Опять дух пародии витает над размышлением.

Властитель умов телезрителей, призывающий их: «Пусть говорят!» и переименованный в Андрея Махалова, – разве не подкрепляет эту пародийность?

Но вот в этом пародийном пространстве вы напарываетесь на формулу, вышибающую вас из этого весёлого настроения.

В центре сюжета оказывается академик, который долгие годы искал и наконец нашёл... формулу спасения России.

Тут, оторвав взор от любимой широкой страны и устремившись душой в любимую же вертикаль (от барина, который всегда во всём виноват до царя, который всё решит, а если не решит, то тоже будет во всём виноват), – этого акаде-

мика герой Харичева должен немедленно доставить к Президенту вместе с формулой спасения России... Президент ждёт...

Подождите, дайте дух перевести... Чего ждёт? Формулу. И что тогда? Формула спасёт страну!? Да что же это за страна такая, которая ждёт спасения от формулы!

– Страна Россия, – отвечает майор Пронин. И готовится доставить академика куда следует... То есть на самый верх.

Тут ему пытаются помешать враги (сбоку, впрочем, не понять, с какого) – враги, не желающие спасения России. Сюжет!

Я переспрашиваю: а что, стране только и требуется – найти формулу? Не брезжит ли пародийность в самой постановке такой задачи? Вы вслушайтесь: *формула спасения России*... Это что: шутка, анекдот, розыгрыш?

Так нет же: реальность.

Разве не упираются в этот сакраментальный вопрос со всех сторон нынешние идеологи, ищущие спасительную идею, которая разом высветлит мозги миллионам сограждан? «Общечеловеческая идея», «Русская идея»... Вот бы слово найти!

А может, это вообще тысячелетняя грёза россиян: зацепиться бы за какое-нибудь слово, чтобы остановить разброд и шатания! Зацепились же пращуры за «самодержавие», подпирали формулу «православием» да «народностью»! Пока не шатнулась история в очередную крайность. И опять на-

шласть формула: «коммунизм». С детализацией в стадиях: «от каждого по... каждому по...». И не формулами ли спасали советские вожди дело, доводя их до лозунгов? «Электрификация». «Индустриализация», «Коллективизация». Если не «всего мира», то «по всему фронту». И с неизменным «коммунизмом» на все времена.

Но вот коммунизм отменился. И по всему фронту – чесотка переименований. Всё та же мания. Города, переименованные Советской властью, – обратно в досоветские. Неистребимая вера в магию слова, которое переменит реальность. Ступор на спасении через формулу.

Это уже не весёлое пародирование в стиле «командир на лихой машине». Игорь Харичев упирается в проблему, действительно осаживающую нас в реальность. Ищем петушиное слово... волшебную идею... формулу спасения.

Но и это ещё не финал нынешнего нашего самопознания. Дело в том, что враги, похищающие академика с его формулой, – никакие не враги, а... те же самые надёжные наши спецслужбы, только разных подразделений.

Знают ли они друг о друге? Вряд ли. Но хоть кто-нибудь в их руководстве знает об этой дублированной технике похищений? А бог его знает. Может, и президент не знает, а те и эти особые отделы докладывают ему. Прибалтийский след... Лондонский след... А он решает: тянуть ли нефтепровод через Прибалтику или в обход...

Но дело-то даже не в этом. Не в том, какой «след». Дело в

том, что с самого верха тайные службы параллельно и одновременно шуруют в России с разных направлений.

И это не разваливает страну?

А может, это как раз и спасает её? Вопрос настолько выпадает из обычной логики, что кажется абсурдным. Но ведь именно спасительные формулы искали правители, стремившиеся удержать страну от распада, в котором участвовали. Колчак верил в свою формулу, Ленин – в свою. Насчёт Ленина у Харичева сказано, что его идеи – полная чепуха. То есть, вряд ли Ильич видел реальность за своими химерами. Я думаю, что именно это он и видел: накренившуюся реальность. А хватался за «пролетариат», за «коммунизм» и прочие бродячие призраки того времени, потому что не за что было больше ухватиться. Чтобы перевернуть Россию туда, куда она уже накренилась.

Но это всё – в ситуации Гражданской войны и вообще военного времени. А в ситуации мирной «передышки»? Партия вроде бы одна, но фракции раздирают её смертельно. Гулаг эти фракции стережёт и дробит, но и фракции караулят друг дружку, и каждая имеет формулу спасения. А в целом создаётся облик страны, которая без конца спасается, громя по очереди приверженцев этих формул и ссылаясь на волю народа, народ же мечтает о единстве, а проваливается в междоусобия.

«Монолитная Россия» неотразимым пугалом маячит у Харичева в сегодняшней экспертизе тысячелетнего чреспо-

лосья.

Президент, понимающий, что мы живём в «новом информационно-коммуникационном мире», выслушивает советников и советчиков.

Один поясняет:

– Народ – носитель суверенитета и источник власти. Власть всегда от народа. Поэтому, когда народ ругает власть, он ругает самого себя. Таким образом, не надо бояться народной ругани.

Другой напирает:

– Они сладострастно описывают якобы мерзостную природу русского человека, мечтающего лишь о том, чтобы напакостить соседу, и способного хорошо работать только из-под палки в тисках тоталитарного режима. Это возмутительно!

Участники этого диспута думают об одном и том же: найти спасение от распада страны, то есть научиться терпеть народную ругань, не доводя дело до тисков и до палки, но на всякий случай укреплять и стены, чтобы они, гнилые, не разваливались, когда ткнёшь.

В эпоху рынка и гласности стена называется: банкет.

Игорь Харичев посвящает этой теме самую большую свою повесть, а поскольку тени и дары данайцев продолжают маячить в его экспертизах, то подзаголовок к «Банкету» звучит так: «Пособие для начинающего патриция». То есть для нынешнего прохиндея, который хочет в этот патрицианский

заповедник любой ценой проникнуть.

Для этого надо знать правила проникновения или, лучше сказать, условия пребывания участников банкета – как постоянно пребывающих, так и на время прибывающих.

Что же они там делают?

Во-первых, едят. Бесконечно. И пьют, понятное дело. Во-вторых, у них всегда праздничное настроение. У всех, обязательно! В-третьих, они убеждены, что недоступны, то есть, что общаются только с равными себе. Никаких чужих ни в один зал этого многозального банкета охрана не пропустит.

Прокомментировать?

То, что они без конца жуют и булькают – с тостами и без, но с непременным смакованием сверхмодных винных марок и неслыханных заморских рецептов, на мой вкус, несколько перегружает у Харичева повествовательную ткань: во всяком случае, я как читатель с трудом перевариваю такое количество съестного в чужих животах. Однако отдаю должное экзистенциальным истокам подобного чревоугодия: сколько же надо было голодать народу, кладя зубья на полку при каждом природном и социальном бедствии (каковыми полна российская история), – чтобы без конца заедать эту историческую жуть! Праздник обжирания как гиперкомпенсация голодухи.

«Праздник жизни, который нескончаем». «Жизнь, кажущаяся ярким праздником». Праздник – как мечтаемый образ жизни... Чьей жизни, я спрашиваю, – этих вот избран-

ных? А что, в народе, в огромной глубинной массе его – не живёт разве неизбывная жажда праздника, которым прерывается тягучая лямка повседневности? И разве не становится в русской жизни любой праздник – освобождением от этой проклятой лямки – уходом в гульбу без края?

Так что завсегда на банкета зря думают, будто они на Руси – что-то особое. Хотя и общаются – только с избранными и только как избранные. Сквозь лёгкий налёт пародийности харичевского описания (габитус) чувствуются тысячелетние хроническое болезни русской души (диагноз), которые, может, и не болезни уже, а склад органики (спасительный рецепт).

Они ведь, банкетчики, не только едят и пьют. Они работают.

Как?

«Каждый непрерывно что-то пишет, согласовывает, прорабатывает, решает».

Что решает, с кем решает? С какими-то ловкими поставщиками, не обеспечившими доставку каких-то дефицитных приборов... Но доставщики не сами же делают эти приборы! Всё делается руками (и умами) тысяч работников, за которыми стоят миллионы работяг, добывающих для этого металл и энергетику, и их надо ещё и кормить, и не в банкетных залах, а в рабочих столовках и на полевых станах, среди земли, то ли вспаханной, то ли брошенной по нашим «праздничным» временам.

Между лямкой повседневности и гульбой от этой повседневности – гигантская тысячелетняя реальность. Между бунтом и диктатурой, диктуемой силами этого же бунта. Между Гулагом и Реабилитансом.

И это – нормальная жизнь? Спасительная формула?

Да, спасительная. В страшные эпохи войн и нашествий. С запада, с востока, с юга. Или от надрыва сил при собственном продвижении. На запад, на юг, на восток. Куда пустят. А в паузах этой героики – праздник чаемого безделья, безумие от того, что не за что гибнуть, не во что верить, нечем занять ум и душу. И судорожное нагромождение стен и запретов, замков и заборов. Потому что иначе – «полный бардак». От пустоты на месте спасительных формул.

Вот такая плата за безопасность на гигантском пространстве, где нет естественных границ, а опасность на каждом шагу диктует повседневный образ жизни (и смерти), где сила – в руках бандитов и правоохранительных органов, договаривающихся между собой, а огромная «серая» масса людей думает, что она и впрямь серая, то есть делает вид, что она так думает, а мыслями она – или на банкете, или...

Или так:

«Изощренное испытание – жизнь в России, потому что страна вроде бы цивилизованная, а всё время находится что-то, что отравляет существование, подталкивает к подлости. Очень трудно оставаться человеком в таких условиях, но в этом смысл испытания – тебе подлянку, а ты держись, не

поддавайся. Короче, Россия – особая территория. Настолько особая, что её состояние напрямую влияет на состояние всей Вселенной».

А как же наша особость в этом вселенском всесмешении? Голос крови?

«Национальность по крови может не совпадать с той национальностью, которая определяется самоощущением человека. Если человек думает по-русски, если ему близка русская культура, если, наконец, он считает себя русским, он русский, несмотря на то, что в нем течет другая кровь. Неважно какая, армянская, еврейская или польская».

Абсолютно согласен с этой самохарактеристикой! Остаётся вопрос о том, что делать.

«Россия – из антивещества... Следует дать свершиться (свершаться? – Л. А.) тому, что неизбежно... Пусть всё идет, как идёт».

Прохиндей идёт – на банкет. Потому что в массе народа живёт мечта: если не сломать все стены, то хотя бы проникнуть за стены. И, значит, перед нами не прохиндей, а человек, проникшийся общим чувством нашей эпохи. Ощущением чаемой народной правды, то бишь немедленной справедливости.

Правдами и неправдами он проникает-таки в запретные залы; в конце концов его засекают, изобличают, выставляют вон и даже собираются наказать.

«– Наказать его надо. За наглость. Примерно наказать. Но

потом вернуть. Человек он полезный. Наш человек».

Божественная музыка слышится ему (и мне) в этом до-
полнении к приговору. Значит, не только в массе «серых»
прохиндеев, «подталкиваемых к подлости», живёт мечта по-
пасть на банкет избранных, но и сама элита, вкушающая бан-
кетную праздничность, должна пополнять свои ряды теми
из прохиндеев, которые выкажут соответствующие способ-
ности.

А они выкажут! Так что стена между властью и народом
– если не гнилая, то прозрачная. Иначе всё давно бы взорва-
лось.

Оно и взрывается, когда вонь от гнили доходит до небес.

А в мирные промежутки, подобные тому, какой мы имеем
сейчас? Проблемы исчезают?

Нет, не исчезают. Вот их далеко не полный перечень, по
Харичеву:

«Следователь может открыть дело, а может закрыть, опе-
ративники могут подбросить наркотики, оружие, а могут не
заметить их. Прокурор может выдвинуть обвинения, а может
не выдвинуть. Судья может осудить, а может и оправдать;
судебный исполнитель, если захочет, заставит выполнить ре-
шение суда, а то возьмёт и посмотрит на всё сквозь пальцы».

Виновники – чиновники. Крапивное семя. Начальники.

«У каждого начальника свой заскок. Один большой тен-
нис обожает, другой – японскую борьбу, третий – пчёл или
хоккей. Один девочек любит, другой – мальчиков».

Сплошные взятки и откаты... Ну что с этим делать?

Следователей, прокуроров и судей, безобразничающих на своих постах, снимать, судить и сажать. Чиновников, нарушающих неписанные законы, прижимать и возвращать в разумные рамки. Девочек и мальчиков от их похоти – спасать. А также пчёл, хоккеистов, теннисистов и японских борцов.

Ну, и что же, «коррупция» исчезнет?

Никогда!

Обуздывать, ставить пределы подлостям, давать по рогам зарвавшимся – да!

Искоренить? Нет. Не удастся. Потому что это образ жизни. И коренится он в народе, привыкшем сводить концы в бесконечности, где всё без конца смешивается, разграничивается и вновь смешивается. Могут покалечить, засадить или, по крайней мере, устроить неприятности по службе, а если не хочешь неприятностей, знай правила жизни.

Правила известны. Неписанные:

«Не нарушай, не ругай власть, не воруй слишком много, делись с теми, от кого зависишь».

Зациклились, понимаешь, на «коррупции». Да она – просто очередной псевдоним того, что было всегда.

«Бакшиш, мзда, подмазка, хабар, барашек в бумажке...»

Я бы и «нос» добавил к этому списку: то, что несёшь, чтобы дать, а при неудаче остаёшься с носом.

Ключевое слово: *подарок*.

Подарок из будущего. Подарок на будущее. Будущее как

подарок.

Что же это в нас? Предельная иррациональность, лечащая беспредельной рациональностью. Вселенная, лучащаяся в беспросвете. Антивещество в роли вещества. Все отзывчивость и безответность. Любовь ко всему миру и презрение к самим себе. Русский дух. Проклятые вопросы.

Чёрное и белое не различить, пока дело не обернётся красным и белым? Но красное против белого – это уж последняя ясность. А чёрное с белым – вопрос повседневный, стоящий перед каждым. Когда у верёвки два конца... и надо выбрать, какой конец твой.

Пора откомментировать финальный аккорд книги Харичева, последний пункт его экспертизы.

«Я повесился. В ванной. На веревке, которую мать использовала, чтобы сушить белье. Обманул все-таки этого капитана. Я освободился».

Про «этого капитана» – чуть ниже. Для начала оценим конец – конец героя. Монолог самоубийцы. От первого лица. Как бы с того света. Монолог прохиндея, который на этом свете умел проходить в закрытые двери, иногда несовместимые.

Однако совместил – роль платного осведомителя, которого «этот капитан» внедрил в оппозиционную противозаконную группу, и роль активного участника этой противозаконной группы, как приказал «этот капитан».

Надо крутиться между теми, кому ты пишешь доносы, и

теми, на кого пишешь.

А если по мере того, как делаешь оба эти дела, ты поне­многу проникаешься идеями тех вождей, к которым подстав­лен?

Идеи – в духе проклятых вопросов. Надо устраивать ше­ствия, митинги и демонстрации, требуя своего права на эти шествия, митинги и демонстрации. Масляное масло? Анти­вещество в роли вещества? Кому должен сочувствовать ге­рой Харичева, подвешенный на верёвке о двух концах? И тем, и другим – вполне в духе отечественной традиции, где тайные организации и секретные службы шуруют параллель­но, то есть с двух концов разом?

А в чью пользу и во имя чего шуровал Евно Азеф? Штат­ный чин Департамента полиции и одновременно – руководи­тель боевой организации эсэров – он когда был искретен: ко­гда выдавал боевиков властям, спасая тем самым от гибели важных начальников, или когда организовывал теракты, об­рекая этих самых начальников на гибель? (Между прочим, обрёт и попа Гапона, который тоже не поймёшь кто: то ли провокатор, увлётший рабочих на кровавое шествие, то ли радатель за рабочих, надеявшийся им помочь).

В отличие от Гапона, Азеф сумел отвертеться если не от смертного приговора, то от его исполнения – удрал. Умер в 1918 году от болезни почек, своей смертью, в германском госпитале.

В России ему не дали бы умереть своей смертью: угроби-

ли бы или родные эсэры, или родные полицаи – в зависимости от того, какой конец верёвки оказался бы реальнее, то есть ближе. И уж точно прав Харичев: само наличие такой верёвки о двух концах – роковой выбор человека, решившегося на активное участие в нашей истории.

Интересно, а Дмитрий Богров был когда искренен: когда работал тайным агентом на полицию (и стрелял в Столыпина при явном её попустительстве) или когда входил в организацию эсэровских боевиков-максималистов, то ли провоцируя их на смертельные подвиги, то ли отдаваясь этому смертельному делу всей душой? Полиция его не выгораживала – казнила незамедлительно (через десять дней после покушения). Голову петле Богров подставил спокойно и с достоинством (потому что ненависть к Столыпину и ко всей правящей камарилье была истинным символом его революционной веры?).

Где же там вера, а где имитация? Где подвиг, а где провокация? В какой синодик вписывать человека, когда будущее, за которое он отдаёт жизнь, наконец, наступает? И что это за светлое будущее, которое требует тёмных жертвоприношений?

А уж от чего не удрать и не отвертеться: будущее – не подарочек.

Я имею ввиду великое будущее. Если распадёмся, переродимся, исчезнем как великий народ, проклятые вопросы снимутся сами собой. Если же и дальше суждена нам судьба

великой страны, то великое будущее всегда тяжело, горько. И тогда надо быть готовыми ко всему. Кроме одного варианта (сейчас я напомним заголовок предыдущее книги Игоря Харищева), что будущее будет преподнесено нам в подарок.

Притопает в образе ещё одного коня, подаренного грекам-троянкам греками-данайцами?

Про такого коня и написал Вергилий в «Энеиде», вложив в руки Лаокоона копье, а в уста – фразу, которая вошла в золотой фонд всечеловеческой мудрости:

– Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes!

Что переводится так: что бы это ни было, боюсь данайцев, даже и дары приносящих.

Закончу тем, что сказал по этому поводу замечательный филолог, мой университетский учитель Николай Иванович Либан:

– *Лучше бояться, чем испугаться.*

Лев Аннинский

Виват, Россия, или Пронин, внук Пронина Фарс-мажорный детектив

Поздний вечер лениво стирал последние краски с небосклона. Столица большой, бестолковой страны готовилась ко сну. Развешанные всюду окна гасли одно за другим, исчезая в зыбкой темноте.

Красавец дом, стоящий в тихом уголке Москвы, жил вечерними заботами. Одни его обитатели, как это заведено у порядочных людей, смотрели телевизор, другие получали удовольствие от ужина, иные занимались любовью, выпивали, ругались. Жизнь шла своим чередом.

Квартира на двенадцатом этаже представляла исключение. Здесь кипела напряженная работа мысли. Академик Иван Морев последний раз проверял расчеты. Это была финишная прямая. Ничтожная часть длинного пути, который одолел пытливый ум. Азарт владел немолодым академиком. Еще немного. Еще. Последние усилия.

Множество книг окружало рабочий стол академика. Они стояли длинными рядами в шкафах, лежали на стульях, на столе. Царство мыслей, зафиксированных на бумажном носителе посредством печатания слов – способ, придуманный неким Гутенбергом ещё Бог знает когда.

Время продолжало свой неуклонный ход. Приближалась ночь в полном соответствии с законами природы. Одно за другим исчезали в темноте окна. Именно в эту пору произошло важное для России событие: академик Морев завершил свою многолетнюю работу, финишная прямая подошла к концу.

– Есть! – кричит он в неистовом восторге. – Нашёл!

Да, он нашёл то, что искал долгие годы, к чему ежедневно стремился, чего так страстно желал каждую минуту. Он нашел Формулу спасения России. Какое счастье! Академик, немолодой благообразный человек, готов был воспарить как птица.

– Маша! – летит он по сонной квартире. – Маша!

Дочь появляется на пороге: молодая, красивая, стройная как фотомодель. Крик отца напугал её.

– Папа, что случилось?

– Маша, я сделал это. Слышишь? Я сделал. Труд моей жизни. Это поможет нашей стране. Теперь ты можешь по праву гордиться своим отцом. Формула спасения России найдена. Жаль, что мама не дожила до этого светлого дня...

Взгляд академика туманится, но лишь на секунду. Схватив трубку, он звонит в Кремль.

– Академик Морев беспокоит. Мне нужно срочно переговорить с Президентом. По весьма важному вопросу.

– Президент давно уехал и в настоящее время отдыхает, – сообщила трубка.

Это была неприятная неожиданность. Как можно отдыхать в столь важную для Родины, для Истории минуту?! Только что он мог поделаться?

– Пожалуйста, передайте Президенту, что формула найдена. Утром я лично привезу её в Кремль. И прошу прислать за мной машину. – Он вернул трубку на место и взглянул на дочь. – У нас есть, что выпить? Давай отметим.

Академик любил хороший коньяк, и таковой нашёлся в баре. Армянский, марочный, в красивой фигурной бутылке из темного стекла. Коричневатая жидкость наполнила рюмку. Себе Маша налила сухого вина.

– За твой успех, папа! – Она смотрит на отца с любовью и восхищением.

– Это успех всей России.

Коньяк обволакивает язык и нёбо, ласкает их. Академик смакует благородную жидкость. Какой прекрасной кажется ему жизнь.

В то же самое время совсем в другом доме, в другой квартире, в большой полутемной комнате совещались очень серьезные люди.

– Он получил формулу, – говорит самый старший и самый главный из них, мужчина средних лет с небольшой аккуратной бородой. Его пронзительные глаза смотрят недобро. – Настала пора действовать!

– План номер один? – спрашивает один из присутствующих.

щих.

– Да. Приступаем к осуществлению. Связь как условлено. Смотрите, не подкачайте.

– Что вы, не подкачаем. Не сомневайтесь.

Утро громоздится над столицей. Солнце радуется возможности светить. Дневная жизнь набирает обороты.

По улице мчится большая красивая машина. Мощный мотор с легкостью крутит колеса. Повернув на тихую улочку, автомобиль останавливается возле добротного жилого дома. Двое крепких мужчин в чёрных костюмах ступают на асфальт, направляются к парадной двери.

– К академику Мореву, – сообщает один из них дежурному, показывая кремлевское удостоверение.

Дежурный кивает. Серьёзные мужчины входят в здание. Лифт услужливо раскрывает двери и вновь замыкает внутреннее пространство, перемещает парочку на двенадцатый этаж.

По квартире академика Морева разносится мелодичная трель. Дверь открывается, на пороге Маша.

– Здравствуйте, – произносит один из мужчин. – Мы к академику Мореву. Нам приказано сопровождать его в Кремль.

Маша смотрит на него с удивлением.

– Папа... уехал ещё минут сорок назад. За ним уже прислали машину из Кремля.

– Этого не может быть!

– Но это было!

Мужчина сумрачно достаёт мобильный телефон, звонит Очень Большому Начальнику.

– Вы посылали за академиком Моревым кого-нибудь кроме нас?.. Нет? Странно. Академик отсутствует. Его дочь уверяет, что за ним уже приезжали из Кремля... Может быть, он у Президента? Нет?.. Возвращаюсь.

– Вы можете мне что-нибудь объяснить? – Маша крайне встревожена.

– Не сейчас, – пасмурно произносит мужчина и направляется к лифту. Его спутник молча следует за ним.

В большом кабинете в Кремле идет крайне важный разговор: Очень Большой Начальник пытается разобраться в случившемся.

– Что, в конце концов, произошло?

– Его кто-то увёз, – докладывает тот самый мужчина, который беседовал с дочерью академика Морева. – Сказали, что из Кремля. Но если вы не посылали кого-то другого, и никто не посылал, если он не поехал своим ходом и не был у Президента, где же он?

Воцарилась полная недоумения пауза. Все понимают –стряслось что-то нехорошее. Очень Большой Начальник ожесточенно чешет свою бородку. На повисшую тишину ложится его бархатный голос:

– Академика похитили. Кто-то пытается помешать спасению России. – Пытливым взглядом он пробегает по наспуленным лицам соратников. – Президенту я сообщил, что формула, наконец, готова. Он ждёт академика. Что будем делать?

– Надо приступить к розыску Морева, – звучит предложение одного из присутствующих, самого решительного.

– Разумеется. Но разве не понятно, что быстро мы его не найдём. Если вообще найдём. А Президент ждёт Морева сейчас. А ещё больше он ждёт формулу, выведенную академиком.

– Надо предложить Президенту что-нибудь другое, – вежливо предлагает один из соратников.

– Что?! – Очень Большой Начальник начинает злиться.

– Скажем... русскую идею.

– Русскую идею? Глупость. Её искали много лет, и ни какого результата. В чем она, эта идея?

– В том, что у России свой, особый путь... Другие страны брать в качестве примера нам не следует. Своим умом должны жить. Нам Запад не указ, и Восток – тоже.

Очень Большой Начальник вновь лениво чешет свою бородку.

– Положим, на Запад и Восток мы всегда плевали.

– Не скажите, – азартно возражает подчиненный. – Деньги мы всегда на Западе хранили.

– Не надо путать, – мрачно останавливает его Очень Боль-

шой Начальник. – Это личные средства. В государственных делах Запад нам не указ. Хотя мы делаем вид, что иногда слушаем их.

– Русская идея – то, что может объединить еврея и украинца на просторах России, – звучит альтернативное мнение бойкого молодого заместителя очень большого начальника.

– А по-моему, неплохо бы выступить с глобальным лозунгом. Например: «Нынешнее поколение будет жить в гражданском обществе», – говорит короткостриженный человек в очках, одетый подчеркнуто неформально. – Дело в том, что лозунг даёт ориентир. Скажем, раньше мы шли к коммунизму. Даже когда спали, сидели за столом или, простите, на унитазе. Теперь пойдём к другой цели. Главное – двигаться, потому что жизнь – движение.

– Глобальный лозунг – чепуха, – добродушно заявляет ещё один присутствующий, сверкая лысиной. – Россию спасёт поворот рек. Перебрасывая воду сибирских рек в пустыни Средней Азии, мы будем зарабатывать миллиарды долларов. И контролировать зону стратегических интересов. Между прочим, вода – не нефть. Никакой ОПЕК нам не помешает.

Вдруг раздаётся телефонный звонок. Звук исходит от особого аппарата, на котором вместо номеронабирателя красуется двуглавый орел – российский герб. По прямому звонит Президент. В свете последних событий этот звонок не предвещает ничего хорошего. Лица присутствующих каме-

неют. Очень Большой Начальник, сжав узкие губы, поднимает трубку.

– Да... Да... Нет... Сейчас подойду.

Главный кабинет страны поражает изяществом отделки. Тёмные тона мебели и дорогой древесины успокаивают.

Президент за основным пультом управления страной – просторным рабочим столом. Его проникающий взгляд устремлён на Очень Большого Начальника.

– Сколько я могу ждать? Где академик Морев?

Очень Большой Начальник опускает глаза.

– Академика Морева... украли, а вместе с ним и формулу.

Наступает затяжная пауза. Один пытался осмыслить то, что услышал, другой – то, что сказал.

– То есть... как? – с трудом выговаривает Президент. – Что значит, украли? А соответствующие службы, министерства? Они куда смотрели? – Праведный гнев сменяет удивление. – Немедленно найти! Предпринять всё необходимое! Иначе... – Президент потряс пальцем. – Иначе все ответите. Я вам, наконец, покажу. Вы меня узнаете.

Очень Большой Начальник рассеянно кивает головой.

– Меры уже приняты... Но я пойду прослежу. Я прослежу.

Он тихо покидает главный кабинет, оставляя его хозяина в одиночестве.

Президент вне себя. Академик исчез, с ним пропала формула спасения России, значит, больше нет надежды на то,

что расцвет бывшей державы осуществится в ближайшее время. С этим трудно было смириться.

Президент яростно схватил телефонную трубку, дождался соединения и требовательно проговорил.

– Я хотел бы знать, какие меры по поиску академика Морева предприняты?

В это время совсем в другом кабинете крайне озабоченный Директор Службы государственной безопасности давал задание своему подчиненному майору Пронину, бравому крепышу. Пронзительный звонок спецтелефона заставил Директора вздрогнуть и плотно прижать трубку к уху.

– Лично контролирую это дело. – Голос Директора внезапно обрел приятную мягкость, глаза устремились куда-то вверх. – Непосредственно расследованием займется наш лучший специалист майор Пронин... Нет-нет, что вы. Мы чтим ветеранов, но не до такой степени. Это его внук... Да, буду постоянно докладывать... Хорошо. – Бережно вернув трубку на место, Директор переводит тревожный взгляд на подчиненного. – Видите, сам интересуется. Это очень серьезно. Не подведите.

– Не подведу, – бойко отвечает майор.

Покинув начальственный кабинет, майор Пронин на ходу размышляет, как поступить, с чего начать расследование. Он – мужчина в расцвете сил, красив, прямо-таки налит силой, проницателен. Штатский костюм, темно-серый, с отливом,

так идёт ему.

Прежде всего, он решает появиться на месте преступления – в квартире академика Морева.

Автомобиль майора – старая добрая «Волга» – проворно одолел положенное расстояние, вторгся на тихую улочку и замер возле дома, в котором жил академик. Следом затормозил микроавтобус, набитый криминалистами.

– Куда? – строго спрашивает дежурный в холле.

– К академику Мореву.

– Нельзя.

– Почему? – холодно любопытствует майор.

– Ходят всякие, а потом академики пропадают.

– Вот-вот. – Соглашается с ним майор. – По этому поводу я приехал. И вы мне всё расскажете.

Он достаёт удостоверение, подтверждающее, что он не какой-нибудь всякий, а самый настоящий майор Пронин.

– Приступайте, – приказывает майор к своим подчинённым.

Криминалисты как тараканы расползаются по парадному холлу и повсюду начинают снимать отпечатки.

– Что вы видели? – спрашивает майор дежурного.

– Ничего особенного. Приехали двое. Сказали, что из Кремля. Сунули под нос удостоверения, как вы, поднялись, а минут через десять спустились вместе с Моревым. Через полчаса ещё двое приехали. Тоже сказали, что из Кремля и тоже с удостоверением. Поднялись, а минут через десять

спустились.

– Вместе с Моревым?

– Да он же с первыми уехал, – рассудительно возражает охранник. – С теми, которые раньше были.

Майор кивает в знак согласия. Трудно уехать дважды, не вернувшись. Удовлетворённый полученной информацией, он поднимается на двенадцатый этаж и звонит в квартиру академика. Дверь открывает его дочь Маша.

– Майор Пронин, – представляется майор. – Занимаюсь поисками академика Морева.

– Я – его дочь. Проходите.

Майор сражен красотой молодой девушки, но он при исполнении. И потому, собравшись с мыслями, он отдаёт распоряжение криминалистам и приступает к допросу.

– Почему вы решили, что те, кто увезли вашего отца, приехали из Кремля?

– Потому что он сказал: «Маша, за мной приехали из Кремля».

– А как они выглядели?

– Нормально. В черных костюмах. Как и те, которые приехали позже.

– И вы не заметили ничего странного?

– Нет.

– Какие-нибудь особые приметы.

– Один из них был высокий. Прямо-таки громадный. А другой – постарше.

– Это важно. А что ваш отец взял с собой?

– Свой портфель.

– И больше ничего?

– Ничего.

Маша охотно отвечает на вопросы. Ей приятно общение с бравым и обходительным майором.

– А что насчет формулы спасения России? – продолжает майор.

– Отец получил её. Он говорил. Но больше ничего не могу сказать. Я в этом не разбираюсь.

– Такой знаменитый отец! Я думал, вы пошли по его стопам и помогаете ему в работе.

– Нет. Я учусь на дизайнера.

– Хм... тоже неплохо, – как-то неуверенно говорит майор.

Тут один из криминалистов, ползающих по полу, зовет майора. Извинившись перед Машей, он присоединяется к своему коллеге. На карачках он с помощью лупы изучает ковер в прихожей и находит... кусочек янтаря.

– Ваш? – обращается он к Маше.

– Нет.

– Всё ясно. Прибалтийский след, – глубокомысленно изрекает майор, прячет кусочек янтаря в нагрудный карман и встает с пола.

Эта находка воодушевляет его, он готов двигаться дальше по пути расследования дерзкого преступления.

– Сфотографируйте всё, что только можно, – говорит он

подчиненным, – а я поехал. Мне надо подумать.

– Прошу вас, найдите моего отца, – умоляет его Маша.

– Я сделаю это, – твердо говорит майор. – Весьма рад был познакомиться. Хотя жаль, что при таких обстоятельствах.

Почтительно кивнув, он покидает пределы квартиры, где утром свершилось ужасное преступление. Дочь академика провожает его грустным взглядом.

Ночь укрывает большой город тёмной накидкой. Потухли окна. Сон раскидывает свои сети, захватывая миллионы людей. Лишь одно окно в большом здании в центре столицы ярко светится. Там, за этим окном майор Пронин пребывает в размышлениях, вышагивая с хмурым лицом по кабинету взад и вперёд, взад и вперёд, словно странный маятник.

«След есть, но куда он ведет? Куда?» – задает самому себе трудный вопрос майор. Внезапно он подходит к столу, хватая телефонную трубку.

– Что там с отпечатками? Срочно принесите результаты.

В ожидании результатов, майор еще быстрее шагает по кабинету. Но вот ему приносят несколько листов. Майор стремительно прочитывает новую информацию, обращает недоуменный взгляд к подчиненному:

– Что, никаких чужих отпечатков?

– Никаких.

– Опытные преступники. Или что-то другое? Надо подумать... Идите.

Движение в очередной раз увлекает майора Пронина, оставшегося в одиночестве.

– Куда ведёт след? – вновь и вновь бормочет себе под нос майор.

За дверьми появляется непрошенный гость – дежурный по управлению. Он мается от безделья, и ему хочется кому-нибудь помешать работать. Помощник майора останавливает непрошеного гостя:

– Нельзя. Майор думает.

– А если мы с вами ему поможем думать?

– Хм... давайте попробуем! – неожиданно соглашается помощник майора. – Заходите. – Он толкает дверь. – Товарищ майор, мы к вам.

Их появление в кабинете не смущает майора. Мыслительная работа продолжается.

– Товарищ майор, как должен вести себя командир? – спрашивает непрошенный гость.

Майор отнюдь не застигнут врасплох.

– Хороший вопрос. Как бы вам попроще объяснить... – Майор достает из пакета скромные холостяцкие бутерброды, расставляет их. – Допустим, этот, с черной икрой – командир. Остальные, с колбасой, с сыром – подчиненные. Скажем, командир ведет расследование. Где он должен быть в этом случае? Впереди! – Майор ставит бутерброд с икрой перед другими бутербродами. – Враг предпринял вылазку с целью помешать расследованию, начал атаку с применением

всех подручных средств. Где командир? Позади, командует отражением атаки. – Майор решительным движением перемещает бутерброд с икрой назад. – Наскоки врага отбиты. Расследование успешно подходит к концу. Близится арест. Где командир? Опять впереди. – Рука быстро переносит бутерброд с икрой. – Враг пытается уйти. Погоня. Где командир? Опять впереди, на лихой машине! Вот где командир! – с воодушевлением заканчивает майор.

Непрошенный гость и помощник майора слушают, раскрыв рот.

Утро наступает для того, чтобы можно было побриться, почистить зубы, отправиться на работу. Оно – отправная точка, начальный момент, ежедневный старт.

Майору на этот раз не пришлось, проснувшись, ехать на работу. Но, будучи культурным человеком, он побрился и почистил зубы, так как все необходимое имелось у него в кабинете – он не в первый раз проводил здесь ночь. Майор выглядел бодрым, словно после крепкого сна в уютной постели, и готов был действовать.

По телевизору, стоявшему в кабинете, шло убогое действо под названием – «Очень доброе утро». Сначала вертлявые девушки болтали про всякую чепуху, потом показали невысокого мужичка с непомерной бородой и непорочными глазами. Он шел по аллее в окружении пяти мальчиков, которые несли шахматные доски.

– Мы – шахматная семья, – говорил мужичок. – Все чемпионы, даже самый маленький. Каждый в своей весовой категории. Мы идем в телестудию, чтобы рассказать вам, как мы этого добились. До встречи.

– Не дай Бог, – пробормотал майор Пронин и направился к двери. – Еду на квартиру академика Морева, – сообщил он своему помощнику. – Надо ещё раз допросить его дочь.

Верная, надежная «Волга» послушно завелась, понеслась по улицам большого города среди множества других машин, каждая из которых мчалась по своей надобности.

На одной из центральных улиц майор углядел огромный транспарант с надписью: «Страна живет благодаря нам», а снизу прилепилось: «Партия «Монолитная Россия»».

«Все верно, – подумал майор. – Люди заняты созидательным делом, а мы... мы вроде ассенизаторов общества. Должны мочить в сортирах... У каждого своя судьба».

Вот и знакомый дом на тихой улице. «Волга» останавливается недалеко от парадной. Майор покидает лихую машину. У двери он сталкивается с двумя людьми, которые тащат дергающийся мешок. Он вежливо пропускает их, смотрит, как они направляются к машине, заходит внутрь, кивает дежурному. Поднявшись на двенадцатый этаж, он видит распахнутую дверь в квартиру. Звонит. Никто не появляется. Решительным шагом майор заходит в квартиру, заглядывает в комнаты, кухню – Маши нигде нет.

«Украли!» – Майор бросается к лифту.

– Что?! Что они сказали? – кричит он дежурному.

– Кто?

– Те, которые тащили мешок. Две минуты назад.

– Что им надо задать несколько вопросов дочери академика и показали кремлевские удостоверения.

Майор летит к своему автомобилю. Мотор ревет, и «Волга» срывается вслед за иномаркой, в которой увезли Машу.

Майор всегда предпочитал отечественную технику. «Она ничем не хуже, – говаривал он. – Разве что без кондиционера. Но я не настолько избалован, чтобы летом сидеть в холоде, а зимой – в тепле». Верная хозяину «Волга» и на этот раз не подкачала. Через минуту майор увидел ту самую иномарку, которую он должен перехватить.

Головокружительная, чарующая погоня увлекает майора. Ловко лавируя между машинами, бравый майор приближается к похитителям. Их разделяет метров двадцать. Но тут навстречу «Волге» вопреки всем Правилам дорожного движения устремляется большущий джип, созданный для бездорожья, а не для асфальтовых просторов. Машины едва не сталкиваются.

– Государственная безопасность, – кричит майор, высунувшись в окно и демонстрируя удостоверение.

– Государственная Дума, – слышит он в ответ и видит соответствующее удостоверение.

– Я при исполнении.

– Я типа того же.

Майор в растерянности.

– Вы нарушаете Правила дорожного движения, – находит он весомый довод.

– Я?! Не по сезону шелестишь. Не-ет. Ты нарушаешь. Дорогу должен уступить тот, у кого машина дешевле.

Майору ясно – спорить бесполезно.

– Жаль, что я спешу. А то бы я с тобой разобрался.

– Жаль, что ты спешишь. А то бы я посмотрел, как ты будешь качать права. Не думаю, что бабок у тебя больше, чем у меня.

Подав назад, майор объезжает злополучный джип, и продолжает погоню за иномаркой, успевшей порядком оторваться. Погоня вновь захватывает его. Как умело ведёт машину майор, как искусно обходит препятствия! Несколько минут, и он почти настигает автомобиль, в котором находятся злоумышленники. И тут поток транспортных средств замирает перед светофором, предательски зажегшим красный свет. Протиснуться меж тесно стоящих машин невозможно. Майор нервно вглядывается вперед.

«Слишком много машин, – в раздражении думает майор. – Неплохо бы убирать их с улиц на время погони».

– Подайте инвалиду первой мировой войны, – раздаётся рядом гнусавый голос. Инвалид на коляске, небритый, с бурым, испитым лицом смотрит на майора тусклым взглядом, словно ему всё равно, подадут или нет. Ему лет тридцать, не больше.

Майор опускает руку в карман, выуживая монетку, подает инвалиду рубль, интересуется:

– Участник брусиловского прорыва?

– Да. – Инвалид бодро кивает. – Истинно так. Ну и дали мы тогда немцам. Добренького здоровья.

Не успевает инвалид укатить дальше, подбегают смуглокожие дети, начинают хором клянчить:

– Дай денег! Денег дай!

Слушать это нет сил. Вздохнув, майор лезет ещё за одной монеткой. Следом появляется древняя старуха. В прищуренных глазах строгость – попробуй, не подай. Но светофор внезапно меняет расклад, включив зеленый. Поток машин оживает, набирает силу. Майор вновь получает возможность продолжить преследование. С невероятными усилиями он догоняет злоумышленников, пытается обогнать. Но в это мгновение злокозненная машина резко берет вправо и останавливается около небольшого особняка. Проехав немного вперед, майор притирает «Волгу» к бордюру. Орлиным взглядом следит он за теми, кто угрожает безопасности России.

Майору хорошо видно, как двое мужчин вытаскивают из багажника странный мешок, тот самый, который они выносили из дома академика Морева, и заносят его в особняк. Покинув машину, майор Пронин крадется за ними.

Он входит в парадный подъезд, перед ним пустой коридор – никого, только мрачный охранник сбоку за стойкой.

– Государственная безопасность, – сообщает майор, демонстрируя удостоверение. – Где те двое мужчин с огромным мешком, которые вошли минутой назад?

Охранник смотрит на него с фальшивым удивлением:

– Какие мужчины? Я никого не видел.

Майору Пронину ясно – охранник заодно с преступниками.

– Мне придется осмотреть здание.

– Пожалуйста.

Майор начинает заглядывать в комнаты – столы, стулья, и никого...

Тем временем самый высокий кабинет страны продолжает действовать. Президент, озабоченный будущим страны, поднимает трубку спецтелефона и требует Директора Службы государственной безопасности.

– Что с академиком Моревым? – нетерпеливо спрашивает Президент. – Я жду результата расследования... Хорошо. Докладывайте регулярно. – Президент поворачивается к окну и суровым взглядом смотрит на кремлевскую стену. Велика Россия, а все держится на нем. Палец нажимает кнопку. – Почту. И чаю.

Майор открывает дверь в очередную комнату. И в это мгновение в кармане пиджака начинает звонить мобильный телефон.

– Слушаю, – расходится по коридору его бодрый голос. – Да, товарищ Директор, кое-что нашел. Судя по всему, прибалтийский след. В настоящее время преследую преступников... Буду докладывать.

Занятый разговором, майор не видит, что за распахнутой дверью притаились те самые злоумышленники, за которыми он гонится. Как только майор заканчивает разговор, негодяи бьют его дубинкой по голове. Майор теряет сознание, оседает на пол.

В этот момент вдали от сомнительного особняка происходит очень важный разговор.

– Прибалтийский след? Я подозревал. – Президент рассержен. – Сначала Калининград, теперь это. Наш ответ будет адекватным. Нефть пойдет в обход Прибалтики... Докладывайте постоянно.

– Слушаюсь, – бойко отвечает Директор Службы государственной безопасности.

– Так что вы говорили? – обращается Президент к человеку в очках и с короткой стрижкой, одетому подчеркнуто неформально.

– Народ – носитель суверенитета и источник власти, – поясняет визитер. – Так что власть всегда от народа. Поэтому, когда народ ругает власть, он ругает самого себя. Таким образом, не надо бояться народной ругани.

– Понимаю. – Президент задумчиво кивает.

Очнувшись, майор видит, что находится в глухой комнате. Лампочка без абажура тускло светит под потолком. Мебели – никакой. Рядом на полу вся в слезах сидит Маша.

– Всё в порядке, – морщась и потирая ушибленный затылок, произносит майор. – Я вас нашел.

– А как мы отсюда выйдем?

– Придумаю. И не в таких переплетах приходилось бывать.

Поднявшись, он долго осматривает стены, потом сообщает:

– Потайного хода нет.

Майор пытается выбить дверь – та не поддается.

– У вас не найдется немного взрывчатки?

Маша отрицательно качает головой.

– Жаль... Надо подумать. Подумать...

Майор с умным видом вышагивает взад-вперед. Внезапно останавливается – озарение на его лице:

– Телефон! – Майор хлопает себя по карману. Телефон отсутствует. – Изъяли, сволочи. – Мужественный взгляд устремляется на Машу. – У вас нет с собой мобильного?

Маша отрицательно качает хорошенькой головкой.

– Я даже не успела одеться, как следует. Схватили и утащили. Что они со мной сделают? Убьют?

– Не посмеют... пока я рядом.

– А где мой отец?

– На данный момент не знаю. Но я его найду.

Майор возобновляет движение по комнате. Внезапно раздается звук поворачиваемого в замке ключа, и дверь открывается. На пороге один из похитителей Маши, широкоплечий, высокий – настоящий громила. Усмехаясь, он произносит с явным прибалтийским акцентом:

– Какой гость! Рад видеть вас, майор Пронин. Академика Морева ищите?

– В этом я вам никогда не признаюсь, – гордо заявляет майор.

– Вам его не найти.

– Это мы посмотрим!..

Громила смотрит на него насмешливо:

– Кстати, почему вас не повышают в звании? Вы ещё при Хрущеве получили майора.

– Это был мой дед.

– Яблочко недалеко падает от яблони. Так говорят у вас в России? – громила мерзко смеётся.

– Ещё в России говорят: сколько веревочке не виться, всё равно будет конец. Даже если веревочка тянется в Прибалтику.

– Не умничайте. Это вам конец. Так что если у вас нет сына, уже никогда не будет.

– Это юмор? – удивленно спрашивает майор.

– Да. Английский. – Громила смеётся еще громче.

Машу и майора связывают, выносят, бросают по очереди в просторный багажник огромного автомобиля. Таким обра-

зом, майор оказывается лежащим на Маше.

– Как вам не стыдно! – возмущается она. – Что вы себе позволяете? Если бы руки были свободны, я дала бы вам пощечину.

– Мадам... – в смущении пытается объяснить он. – Мадемаузель. Вы замужем?

– Нет. Я не замужем. А вы женаты?

– Нет.

– Вы делаете мне предложение?

– Пока не думал об этом... – растерянно бормочет майор. – Нахал! – фыркает Маша и умолкает.

Ночь. Майора и Машу привозят на берег Москва-реки, прямо напротив Кремля. Подсвеченные прожекторами, спокойно стоят кремлевские храмы и дворцы. Им нет никакого дела до той суеты, которая творится вокруг.

Майора вытаскивают из багажника, привязывают к ногам гирию.

– Вам это не поможет. Ваши происки не в состоянии помешать возрождению России.

– Ты подумай о себе, а не о России, – советует громила.

– Родина прежде всего!

– Ну-ну.

Тяжелая гирия привязана. Майора сбрасывают в реку, а Машу увозят.

Спокойная гладь реки. Блики от уличных фонарей на поверхности. Всплывает подводная лодка. Открывается люк, из которого на палубу выбираются двое мужчин.

– Это бомба? – спрашивает один.

– Не-ет. Опять какую-то рухлядь сбросили, – отвечает другой.

Первый замечает человека на палубе.

– Смотри!.. Это Президент? Мы его спасли?

– Какой Президент? – раздраженно произносит второй, склонившись над телом. – Это наш. Майор Пронин. Что он здесь делает? Зачем таскает гирию? Эй, майор! Майор!

Пронин открывает глаза.

– Где она? Эти люди её увезли?

– Да здесь ваша гирия, – успокаивает второй. – Здесь.

Майор в раздражении отталкивает гирию и чуть не слетает с палубы – металлическое изделие тянет его в воду. Пронина едва успевают удержать.

– Уберите вы эту идиотскую гирию! – возмущается майор.

Подводники возятся с веревкой. Наконец гирия отцеплена. Майор хочет столкнуть ее, но второй подводник не дает.

– Оставьте. Я зарядку делать буду.

Недовольно хмыкнув, майор требует:

– Дайте мне спецкомплект номер пять.

Подводники с трудом вытаскивают из люка большую коробку, помогают Пронину перебраться на набережную. Майор достает из коробки и раскладывает на асфальте детали,

ловко соединяет их, раз – и мотоделтаплан готов.

– Благодарю за содействие, – деловито произносит майор. – Мне пора.

Двигатель ревет. Майор взлетает ввысь и парит над ночной Москвой. Как прекрасен ночной город с высоты птичьего полета. Как тепло, уютно светятся окна домов, как загадочна графика едва освещенных ртутными лампами улиц. Но майору некогда любоваться красотами – он высматривает врагов отечества.

Заглядевшись по сторонам, майор натывается на высотное здание, влетает в окно и попадает прямо в постель к томной красавице внушительных габаритов. Испуг на её холемом лице быстро вытесняет довольное выражение. Она тут же обнимает майора.

– Какой ты быстрый. Влетел, и сразу начал. Ты всегда заходишь через окно? Это прекрасно.

Майор пытается вырваться из горячих объятий. Не получается.

– Может быть, разденешься? – говорит красавица.

Майор безуспешно борется с ней.

Тут открывается дверь, и в спальню входит тот самый громила. Увидев майора, он дико вращает глазами.

– Вы?! Да как вы посмели?

Майор перестает сопротивляться, прикидается к страстной красавице, которая теперь пытается отодвинуться от него.

– Это мой ответ на ваши происки.

– Я не виновата, – причитает красавица. – Он сам влетел в окно.

– Ах, так? А это мои новые происки.

Громила хватает майора, который пытается сопротивляться, тащит в направлении окна.

– У вас такой юмор?

– Да. Английский.

Пока громила тащит майора к окну, тот успевает заметить брошюру на столике – путеводитель по Лондону. Громила бросает майора в разбитое окно и тут же начинает душить жену.

Увы, но земное притяжение никто не отменял. Майор падает. Мелькают окна. И вдруг – о, чудо! – он зацепляется ремнем за выступ, висит. Он видит в окне, как две обнаженные девушки ласкают друг друга. Одна из них замечает висящего вниз головой майора, с недовольным лицом подходит, задергивает шторы.

«Путеводитель по Лондону, – размышляет майор, – английский юмор. Всё это неспроста. Прибалтийский след явно ведет в Лондон. Кто за всем этим стоит? Британские коллеги? НАТО? Или бывший соотечественник? Кто из них больше заинтересован в том, чтобы дела в России не налаживались? Скорее всего, тот, который отсиживается в Лондоне». Ему хотелось бы доказать, что здесь без него не обойтись.

Утро. Майор продолжает висеть на выступе. А в это время

горожане умываются, чистят зубы. Как культурный человек майор с удовольствием присоединился бы к ним, а ещё не отказался бы позавтракать. Но... работа прежде всего.

Окно рядом по-прежнему задернуто шторой, а в соседнем настежь открытом окне майору виден телевизор. В самом разгаре передача «Очень доброе утро». Болтают вертлявые девушки, потом показывают мужичка с непомерной бородой, окруженного мальчишками, которые несут музыкальные инструменты.

– Мы – музыкальная семья, – говорит мужичок. – Все виртуозы, даже самый маленький. Играем на разных инструментах. Мы идём в студию, чтобы рассказать вам, как мы этого добились. До встречи.

– Не дай Бог, – бормочет майор и переводит взгляд вниз. Ему виден большой транспарант с надписью: «Вы живете благодаря нам», ниже идет текст: «Партия «Монолитная Россия»».

«Есть ли у партии мозг? – думает майор. – Или только одни члены?.. Всё равно это почетно – быть членом. И ответственно».

Тут он замечает громилу и его жену – парочка подходит к знакомой иномарке, садится в неё, и машина уезжает со двора. Майор запоминает номерной знак. «Ага, три семёрки. Был такой портвейн. Его любили дед и отец».

Отдергивается штора. Там, за стеклом, вчерашние девушки. Они в халатиках. Одна из них раскрывает окно и видит

майора.

– Вы ещё здесь? Вам так хочется посмотреть, что мы делаем с моей подружкой? Какой вы настойчивый.

– Помогите мне залезть к вам, – тихим голосом просит майор.

– Секс втроем?... Мы к этому ещё не готовы. Тем более, с мужчиной.

– Я сразу уйду. Только помогите залезть к вам. Я не могу больше висеть здесь. Очень много дел.

Вдвоём девушки подтягивают его к окну, и майор с их помощью взбирается на подоконник.

– Спасибо. Где выход?

– Как, вы больше не хотите с нами остаться?

– Хочу. Но не могу. – Майор окидывает взглядом комнату. – А у вас здесь мило... Увы, работа прежде всего.

Бравый майор покидает расстроенных девушек. Лифт опускает его на первый этаж. Около дома, среди зелени кустарника перед майором появляется парень в спортивном костюме с барсеткой в руках.

– Мужик, мобильный нужен? По дешёвке.

– Нужен.

Парень сует руку в карман. И что же?! Майор видит свой мобильный телефон. Вот и трещинка на стекле. Она появилась с месяц назад, когда он, майор Пронин сражался с террористом. Когда кончились патроны, ему пришлось отбиться телефоном.

– Откуда он у тебя?

– Какая разница. Будешь брать?

– Буду. – Майор ловко хватает паренька за шкуру. – Откуда он у тебя? Говори.

– Стащил, – хныкающим голосом тянет тот.

– У кого?

– У мужика. Большой такой мужик. Толстый.

Всё ясно. Никакого чуда. Простое стечение обстоятельств.

– Свободен. – Майор отпускает воришку.

– А деньги?

– Пошёл прочь, пока я тебя не арестовал. Скажи спасибо, что я занят.

Возвращение блудного телефона было как нельзя кстати. «Бог есть», – подумал майор, набирая номер начальства.

– Товарищ Директор, докладывает Пронин. Прибалтийский след явно ведёт в Лондон.

– Думаете? – раздаётся из трубки голос Директора.

– Уверен. Факты – неумолимая сила. Похоже, это происки того, кто прячется там, в столице Англии.

Пауза. Потом звучит:

– Хорошо. Продолжайте. Держите меня в курсе.

Вслед за тем Пронин связывается с помощником.

– Пусть разыщут машину с номерным знаком три семерки, – отдаёт он приказание. – Срочно. Я жду... Что? Направляется в аэропорт? Еду туда. Нет, помощь не нужна.

Майор вновь за рулём машины. Он мчится в аэропорт. А тем временем в самом главном кабинете страны Президент в присутствии Очень Большого Начальника беседует с Директором Службы государственной безопасности, срочно вызванным в Кремль.

Директор Службы государственной безопасности докладывает, что, судя по всему, прибалтийский след ведёт в Лондон, после чего замолкает. Президент недовольно смотрит перед собой, услышанное не нравится ему. Наконец, он произносит:

– Значит, прибалтийский след ведёт в Лондон. Чего и следовало ожидать. Бывшему олигарху неймётся. Надо принять меры. Делайте всё, что необходимо... Вы свободны. По ходу расследования докладывайте постоянно.

– Слушаюсь, – преданно глядя на него, отвечает Директор Службы государственной безопасности и поднимается.

Оставшись вдвоём с худощавым бородатым посетителем, Президент обращает на него тревожный взгляд:

– Какие шаги предпримем?

– Сделаем достоянием гласности некоторые факты, – абсолютно спокойно отвечает собеседник. – Подбросим газетчикам. И надо решать с «Главнефтью».

– А какие с ней проблемы?

– Вот и я говорю – никаких.

Аэропорт. Шумят самолеты. Снуют автомобили. Суется

пассажиры и провожающие. Волнуются встречающие...

Майор Пронин из укромного места наблюдает за грузовым терминалом. Громила, его люди, жена крутятся около одного контейнера, подозрительно поглядывают по сторонам.

Через некоторое время контейнер грузят в самолёт. Майор Пронин осторожными шагами направляется к самолету. И вдруг на его пути вырастает пограничник.

– Я за тобой давно слежу, – с довольным видом произносит защитник границ. – Улететь собрался?

– Возможно.

– Плати. Сейчас время свободы. Всё можно. Только за бабки. – Пограничник назидательно поднимает палец.

Майор достает кожаный бумажник, протягивает защитнику границзеленую купюру.

– Сотня? Мало.

– Больше нет.

– Хрен с тобой. Будем считать, что сегодня большие скидки. – Пограничник поворачивается и уходит.

Майор подкрадывается к самолету. Багажный люк открыт, никого поблизости. Майор ловко забирается внутрь. В огороженном алюминиевыми стенками пространстве стоит контейнер, и штабелями лежат коробки из-под ксерокса.

Майор Пронин заглядывает в контейнер и натывается на две испуганные пары глаз – это связанные, с заклеенными ртами академик Морев и Маша. Секунда, и Маша узнает

майора, на её лице – под скотчем – тихая улыбка. Ему приятна такая реакция.

Открыв контейнер, майор пытается развязать Машу. Ловкими пальцами он борется с веревочным узлом, но не успевает – появляется один из сообщников громилы. Майор бесстрашно вступает с ним в схватку. Несколько удачных приемов, и он одолевает злоумышленника. Майор с гордостью поворачивается к Маше и не видит, что сзади подбирается к нему громилы. Маша мычит и пытается глазами предупредить майора.

– Я его отключил, – успокаивает он Машу и тут же получает по голове, теряет сознание.

Майор лежит на полу. Громилы, стоящий рядом, усмехается:

– На этот раз я с тобой справлюсь. Теперь тебе ничего не поможет.

Люк закрывается, двигатели начинают свою громкую песню. Пилоты в кабине получают разрешение на взлет.

Разогнавшись, самолет покидает землю, упрямо набирает высоту. Майор приходит в себя. Он связан, как и академик, и его дочь. Но рот не заклеен. Майор смотрит на академика, потом на Машу.

– Я что-нибудь придумаю, – обещает майор.

Именно в это мгновение раздается мелодия – зазвонил мобильный.

– С кем-то хотят поговорить по телефону, – сообщает май-

ор, и тут же спохватывается. – Это мне звонят.

Телефон в кармане продолжает вдохновенно исполнять музыкальное произведение, написанное давным-давно Бахом. Но достать телефон нет никакой возможности. Майор печально вздыхает.

В контейнер заглядывает жена громилы.

– Это вы, проказник? Вы здесь? Пользоваться мобильным телефоном во время полета нельзя.

Она вытаскивает у майора из кармана пиджака телефон, отключает его.

– Я хочу сделать с вами то, что не успел прошлой ночью, – говорит ей майор. – Развяжите меня.

На Машином лице возмущение. Томная красавица подходит к нему, обнимает, целует, шепчет:

– Ты вошел в мою жизнь через окно. Возьми же меня в полете.

Маша отворачивается. Она в гневе.

– Муж хочет сбросить тебя с самолета, – говорит красавица.

– Пусть. Лишь бы перед смертью обнять тебя. Развяжи мне руки.

Она развязывает ему руки и тут же хватает его в объятия, майор пытается вырваться – не тут-то было. Маша, глянув на них, опять протестующе отворачивается. И в эту секунду возникает громилы. Он вне себя, рычит как взбешенный гиппопотам. Красавица в ужасе. Майор бросается на него.

Майор Пронин храбро сражается с громилой, который гораздо сильнее. Увы, но исход поединка предрешён. И тут громила задевает за штабель, ему на голову падает тяжелая коробка из-под ксерокса, лопается. Во все стороны летят пачки российских денег. Взгляд громилы туманится.

– Что это? – в удивлении спрашивает громила.

– Рубль упал, – язвительно произносит майор.

– Надо же, какие тяжелые последствия... – громила теряет сознание и безвольно опускается на пол.

Майор связывает громилу, затем освобождает Машу, которая тут же дает ему пощечину, потом академика.

– Мой друг, спасибо вам. Вы сейчас не меня спасли – Россию. – Академик смотрит на него благодарными глазами, энергично жмёт руку.

Томная красавица бросается академику на шею:

– Я так рада, что вы свободны. Я так переживала за вас.

Академик в растерянности, не знает, как поступить.

– В кабину, – решительно произносит майор.

Вся компания направляется туда.

В кабине два летчика. Они с удивлением смотрят на вошедших.

– Куда летим? – небрежно осведомляется майор.

– В Лондон.

– Планы изменились. Поворачивайте назад, – требует майор.

– Где главный? – спрашивает один из летчиков. – Мы под-

чиняемся только ему.

– Главный арестован и за всё ответит. Хотя, думаю, что он у вас не самый главный. Есть главнее.

Один из летчиков выхватывает пистолет, стреляет в майора, пуля отлетает рикошетом, убивает второго летчика. Первый, увидев это, пускает себе пулю в висок. Майор оттаскивает их. Самолет летит сам по себе.

– Вы умеете управлять самолетом? – спрашивает академик.

– Я всё умею. – Майор уверенно садится в пилотское кресло, смотрит вниз. – Где тут педаль тормоза?

– Справа, как положено, – буднично говорит академик. – А слева – сцепление. Пожалуйста, не тормозите слишком резко. Давайте, я с вами.

Академик занимает соседнее кресло.

– А я буду стюардессой. – Томная красавица явно заигрывает с академиком. – Подать виски с содовой?

– Я – патриот, – живо отвечает академик. – Водку, только водку. Особенно, когда нет хорошего армянского коньяка.

Маша обиженно молчит.

Общими усилиями майор Пронин и академик Морев пытаются приручить летательный аппарат. Напор молодости соединяется с научным опытом. Самолет описывает невероятные фигуры в небе, то взмывая ввысь, то устремляясь к земле подобно пикирующему бомбардировщику. И тогда на лицах всей честной компании застывает ужас.

Борьба с самолетом продолжается довольно долго. Наконец совместными стараниями они сажают крылатую машину на пустыре на окраине небольшого городка. По очереди компания выбирается из самолета. Навстречу им бегут местные жители. Лица у всех сосредоточенные.

Майор окидывает взглядом окрестности и видит вдалеке несколько шикарных особняков, за которыми стоят запущенные домишки. Сбежавшиеся местные жители начинают деловито растаскивать самолёт на части.

Маша смотрит на майора с осуждением.

– Все мужчины таковы, – говорит она. – Сначала со мной заигрывали, потом с другой. В окно к ней залетели...

– Я не нарочно. Честное слово.

– Вы хоть переживали, что меня от вас увезли, тогда, ночью, у реки?

– Переживал. Но долг выше чувств. Я – солдат.

– А почему вы не женаты? Развелись?

Майор немного смущен.

– Я никогда не был женат.

– Почему?

– Знаете ли, много работы. И потом, не встречалась та, ради которой я готов был пожертвовать свободой.

Маше нравятся эти слова.

– Давайте отпразднуем наше освобождение, – предлагает она.

– В ресторан. Все в ресторан, – восклицает томная краса-

вица, вцепившись в академика.

– Вообще-то, мне надо в Кремль, – мямлит он. – Меня ждёт президент. Но я чертовски голоден. Пошли.

Они бредут по запущенному городку в поисках ресторана. Жалкие обветшавшие домишки, грязные улочки, лужи. Совсем непохоже, что на дворе начало двадцать первого века. Единственный признак цивилизации – большой яркий транспарант с надписью: «Вы живете благодаря нам», понизу которого расположились три слова: «Партия «Монолитная Россия»».

Местный мужичок, стоящий около транспаранта, с любопытством наблюдает за перемещением странной кампании:

– Ресторан у вас есть? – спрашивает мужичка майор.

– Есть, – добродушно отвечает мужичок. – А как же. У нас как у людей, всё есть. Ресторан аккурат подле дороги. Слышите, стреляют? Там.

– А что у вас так всё запущено? – академик Морев обводит рукой округу, на лице неподдельное удивление.

– Ясное дело. Денег ни на что нет. Потому и запущено.

– А коттеджи на окраине?

– Так там наше местное начальство живёт. Ясное дело.

– А-а. – Морев понимающе кивает.

Около ресторана вовсю идет бандитская разборка. Летят пули. В стороне скучают милиционеры. Майор Пронин ре-

шитительно отталкивает одного бандита, оказавшегося рядом, чтобы тот не мешал передвижению. Четверка заходит в ресторан и замирает от удивления: столь помпезной начинки совсем невзрачного снаружи здания никто не ожидал.

– Да-а... – значительно произносит майор. – Ведь могут же, если захотят. Вам нравится? – обращается он к Маше.

– Дурной вкус.

Реакция у майора отменная:

– Вот я и говорю: могут, но не хотят.

В зале – никого. Четверка занимает столик. Официант, небрежно глядя на них, приносит меню в потертых обложках.

– Не отравите? – весело спрашивает майор.

– Еще никого не отравили. – На сухонькой физиономии официанта появляется хитрая ухмылка.

– А где клиенты?

– На улице. Отношения выясняют. Слышите? – Звуки ожесточенной стрельбы по-прежнему долетают с улицы.

– Не сошлись в оценке вашей кухни?

Официант оставляет реплику майора без внимания.

– Что будете заказывать?

Зафиксировав на бумаге пожелания клиентов, официант удаляется.

Майор и Маша поглядывают друг на друга. Им приятно сидеть рядом. Романтические флюиды соединяют их.

– Жаль, что здесь нет фаршированной рыбы. – Академик

мечтательно смотрит вдаль. – Я бы съел. Какую фаршированную рыбу делала моя мама! Фантастика. Пальчики проглотишь. – Он поворачивается к дочери. – Маша, ты помнишь, какую вкусную рыбу делала бабушка? – Маша кивает. – Мой отец очень любил. Бывало, говорил: «Сара, сделай фаршированную рыбу».

Тишина повисает в ресторанном зале. Только выстрелы за окном, и никаких более звуков.

Тем временем в самолете, растаскиваемом жителями на части, приходит в себя сообщник громилы, которого первым выключил майор. Покрутив головой, очумело поворачивая глазами, он с трудом поднимается, освобождает громилу. Местные жители, занятые важным делом, не обращают на них никакого внимания.

Выбравшись из самолета, громила и его сообщник осматривают местность.

– Непохоже на Англию, – заключает громила. – Эй, мужик, куда мы попали?

Местный житель не обращает на него никакого внимания. С тихой, сосредоточенной физиономией он проходит мимо, обняв как ребенка увесистую коробку. До громилы доходит, что именно местные жители пытаются унести. Он бросается на мужика.

– Отдай!

Мужик молча борется с громилой. Потерпев поражение, мужик безропотно поворачивается, вновь идет к самолету.

Громила и сообщник бредут по грязной улице. Сообщник с трудом тащит коробку. Вот они подошли к неправдоподобно красочному на фоне окружающей действительности транспаранту, который сообщает: «Вы живете благодаря нам». Сидящий рядом мужичок с любопытством наблюдает за дружной парочкой.

– Здесь трое неместных не проходили? – спрашивает громила.

– Нет, – добродушно отвечает мужичок. – Вот если бы вы про четверых спросили, я бы ответил. А трое – нет, не проходили.

– Четверых?.. А-а, ну да. Здесь четверо неместных не проходили?

– Проходили.

– И куда они пошли?

– Аккурат в ресторан.

– И где этот ресторан?

– Аккурат подле дороги. Слышите, стреляют? Там.

Получив исчерпывающую информацию, злоумышленники продолжают свой нелегкий путь и вскоре появляются около ресторана. Здесь всё также идёт увлекательная разборка. Верзила решительно отталкивает одного бандита, оказавшегося рядом, чтобы тот не мешал передвижению.

Приблизившись к ресторану, верзила заглядывает в окно.

– Там, – сообщает он. – И эта – тоже... Я ей покажу. –

Злоба распирает его. – Ох, я ей покажу.

Сообщник направляется к входу, но его настигает окрик:

– Стой!

– Почему?

– Сдурел? Увидят. Зайдём с другой стороны.

Обходной манёвр оказывается успешным. Проникнув в помещение с черного хода, громила оглушает официанта подносом и приказывает сотоварищу надеть его форму. Несколько минут – и сообщник предстаёт в новом обликии. Громила тем временем насыпает в бутылку водки белый порошок. Покончив с этим делом, вручает сообщнику поднос, на котором еда и водка. Сообщник идёт к четвёрке.

– Где-то я вас видел, – говорит ему пронизательный майор.

– Мы с вами летели в одном самолете. Но я раньше вышел. Пейте скорее, а то цены растут, придётся больше платить.

Майор понимающе кивает, наливает другим, себе, лжеофицианту.

– Выпейте с нами. Я угощаю.

Сообщник громилы не в силах отказаться, берёт рюмку.

– За спасение России! – говорит академик, и все выпивают.

– И хозяин пусть с нами выпьет. Позовите его, – приказывает лжеофицианту майор.

Лжеофициант нечеткими шагами возвращается к громиле, покачиваясь, сообщает ему, что его зовут, и тут же па-

дает. С мрачной физиономией громила направляется в зал. Томная красавица, увидев мужа, пугается, потом нервно восклицает:

– Дорогой, как я рада тебя видеть!

– С тобой я позже разберусь, – цедит сквозь зубы громила.

– Давай выпьем, – предлагает майор и наливает громиле полный фужер. – Боишься?

Громила, пренебрежительно глядя на него, берёт фужер.

– За победу! – решительно говорит он.

– За нашу победу! – с ударением на слове «нашу», произносит майор.

Залпом выпивают. Несколько секунд, и громила оседает на пол. Вслед за тем засыпают Маша, академик, томная красавица, которую академик держит за руку. Только майор не спит. Он выходит на улицу и вдыхает полной грудью свежий воздух. Прекрасный денёк заполняет окружающее пространство. Тишина. Разборка закончилась. Всюду валяются представители преступных группировок.

Большой джип стоит неподалеку от ресторана. Посмотрев на него, майор возвращается, хватая громилу, с трудом тащит его на улицу, к джипу, распахивает заднюю дверь, засовывает внутрь грузное тело. Глаза громилы раскрываются, оторопело глядя на майора, он произносит:

– А ты почему не спишь?

– Повышенное чувство долга, – с достоинством отвечает майор.

Слабо кивнув, громила опять засыпает.

Майор перетаскивает и кладёт рядом с громилой сообщника, потом любвеобильную даму. Аккуратно переносит и устраивает на заднем сиденье Машу, на переднее сиденье усаживает академика Морева. Он сладко посапывает, склонив голову набок; любимый портфель на коленях.

Покончив с трудной работой, майор Пронин достаёт из кармана телефон. Электромагнитные волны тянутся в Москву.

На столе Директора Службы государственной безопасности издал трель один из аппаратов. Директор поднимает трубку и слышит:

– Это майор Пронин. Разрешите доложить. Всё в порядке. Академик Морев со мной. Злоумышленники схвачены. Везу академика в Кремль.

– Спасибо, майор, – говорит Директор. – Я верил в вас. Где вы находитесь?

– В каком-то захолустье.

– Выслать за вами транспорт?

– В этом нет необходимости. Я раздобыл машину. К сожалению, не «Волга», но тоже ездит.

– Счастливо добраться до Москвы.

Директор немедленно телефонирует в Кремль. Когда на том конце трубки раздаётся знакомый голос, он радостно тараторит:

– Господин Президент, разрешите доложить. Академик Морев найден. Майор Пронин везёт его в Кремль.

– Спасибо за добрую новость. И за хорошую службу, – отвечает трубка.

Президент, опустив одну трубку, тут же поднимает другую. Он спешит отдать распоряжения Очень Большому Начальнику. После соединения, Президент говорит победным голосом:

– Академик Морев найден. Майор Пронин везёт его в Кремль. Необходимо подготовиться. Надо срочно решать, как использовать формулу.

– Хорошо, – доносится из трубки голос Очень Большого Начальника. – Будет сделано.

Тем временем майор Пронин подходит к гаишнику, скупающему неподалеку в милицейской машине.

– Служба государственной безопасности. Со мной важный человек. Его ждут в Кремле. Обеспечьте нам беспрепятственный проезд в Кремль.

Гаишник пренебрежительно смотрит на майора.

– С чего это я должен этим заниматься? Мало ли важных людей... У меня нет времени. У меня дела.

Он отворачивает голову, будто и не стоит никто рядом. Секунду подумав, майор наклоняется к нему, доверительно произносит:

– Ладно, колюсь. Это пахан коптевско-солнцевских.

– Они объединились?! – пугается милиционер.

– Да. Его кличка – академик. Суров как слон.

– Так бы сразу и сказал. Сделаем. Сопроводим. – Гаишник включает маячки на крыше.

Они несутся к Москве. Милицейский автомобиль двигается впереди, прокладывая дорогу. Синие огни весело перемигиваются. Временами пронзительно звучит сирена, напоминая о важности проезжающего.

Майор мужественно борется со сном. Включает кондиционер. Приятная прохлада наполняет салон.

– Вот, сволочи, – ласково ругает майор иностранных автопроизводителей. – А что, на этом драндулете можно ездить. Идет не хуже «Волги». Надо же.

Вот и столица. Пара машин мчится к центру, выполняя ответственное задание. Неутомимо работают мигалки. Напоминает о себе время от времени звонкая сирена. Их сторонятся. Им уступают дорогу.

Кремль надвигается кирпичной стеной, высокой башней с аркой для проезда. Милицейская машина тормозит метров за пятьдесят, а джип подъезжает к самым воротам.

– Государственная безопасность, – сообщает Пронин. – К Президенту. Академик Морев со мной.

– Знаем, – отвечает охранник. – Вас тут ожидают.

Двое приближаются к автомобилю. Один из них подходит к водительской двери.

– Майор Пронин? У нас четкое предписание. Пересядьте

на заднее сиденье. Я доставлю вас, куда приказано.

Пожав плечами, майор покидает водительское сиденье, занимает место подле Маши, которую приходится подвинуть. Милая головка устраивается на его плече, и майор расплывается в улыбке. Второй сопровождающий садится рядом. Джип трогается, и в это время сосед майора ловко выхватывает из рукава тряпку, пропитанную эфиром, прикладывает к лицу Пронина. Майор теряет сознание.

Президент нервно барабанит пальцами по столу. Академика всё ещё не доставили в Кремль.

– Мне надо позвонить, – прерывает он своего собеседника и тянется к телефону. – Простите. – Через несколько секунд в трубке звучит голос Директора Службы государственной безопасности:

– Слушаю!

– Где академик Морев?

– Майор Пронин давно должен был привезти его к вам.

– Я не видел ни того, ни другого. Что стряслось?

– Не знаю... Постараюсь разобраться.

– Немедленно разберитесь и доложите. – Президент аккуратно кладет трубку и обращается к визави. – Продолжайте.

Его умудренный опытом собеседник послушно кивает.

– Так вот, они сладострастно описывают якобы мерзостную природу русского человека, мечтающего лишь о том, чтобы напакостить соседу, и способного хорошо работать

только из-под палки в тисках тоталитарного режима. Это возмутительно. Почему только русские?

– Вы хотите сказать, что русские не такие?

– Я хочу сказать, что весь российский народ такой...

В это время директор настойчиво звонит Пронину. Мобильный майора не отвечает.

«Что бы это значило? – в беспокойстве думает Директор. – Опять чьи-то происки? Не дают нормально работать. Когда же это кончится?..»

Утро не принесло изменений. Измученный директор вновь и вновь пытается дозвониться до майора Пронина, но тщетно. В очередной раз бесполезно звучат гудки.

«Чьи-то происки, – затравленно думает Директор. – Это никогда не кончится. Что за страна?..»

Темная комната. Плотные шторы не пропускают веселый утренний свет. Находящиеся в комнате едва различают друг друга.

– Академик, вы здесь? – осторожно звучит голос майора Пронина.

– Здесь.

– А вы, Маша?

– Я здесь, – раздается милый голосок.

– Зачем они держат нас в этом помещении? – любопытствует академик.

– Чтобы не пустить к президенту.

Дверь внезапно открывается, впуская людей. Один из них

тяжелым шагом приближается к затворникам.

– Ну что, майор, наша взяла? – раздаётся голос громилы.

– Это мы ещё посмотрим, – гордо отвечает майор Пронин.

– А что тут смотреть? Прикончим тебя, и всё.

– Вы не имеете права, – страстно возмущается академик

Морев. – Оставьте его в покое. Слышите?

– И с вами разберемся, не переживайте.

Громила включает телевизор, где в самом разгаре идет передача «Очень доброе утро». На экране возникает мужичок с непомерной бородой, окруженный мальчишками, которые несут всевозможный спортивный инвентарь.

– Мы – спортивная семья, – говорит мужичок. – Все мастера, даже самый маленький. Занимаемся самыми разными видами спорта. Мы идём в студию, чтобы рассказать вам, как мы этого добились. До встречи.

– Не дай Бог, – пугается майор. – Только не это!

Громила, видя его реакцию, прибавляет звук. Вертлявые девушки принимаются безудержно болтать. А в студии уже занимает места шумная семейка. Мужичонку с огромной бородой дают крупным планом.

– Спорт – это хорошо. Секс – тоже. Как совместить одно с другим? Рецепт прост – делать детей и заниматься с ними спортом. Берите пример с моей семьи...

Майор, не в силах более терпеть, бросается на громилу. Он борется как истинный боец, воин, спартанец, но силы не равны. Удар, и Пронин теряет сознание. Мозг перестает кон-

тролировать мышцы. Академик вне себя.

– Ах вы, мерзавец! – Он бесстрашно кидается в атаку.

Несколько секунд, и он тоже побежден.

– Вы ударили по интеллекту России... – падая, произносит академик, и тоже теряет сознание.

Громила усмехается – противник с лёгкостью повержен. Повернувшись к человеку, сидящему в углу, он не видит, что Маша стремительно хватается табурет и подбегает к нему. Табурет опускается на голову громилы. Раздается сочный звук. Удивленно охнув, громила оседает на пол.

– Майор, очнитесь! – Маша шлёпает Пронина по щекам. – Очнитесь!

Майор открыл сначала правый глаз, потом левый:

– Где я?

– Скорее. Подымайтесь, пока этот подлец не пришёл в себя. Там ещё кто-то есть. В углу. Скорее.

Майор вскакивает, находит выключатель, и в свете вспыхнувшей лампы видит в углу... Очень Большого Начальника.

– Так вот кто за всем этим стоит... – ошарашенно произносит майор. – Хотели пустить меня по ложному следу.

– Признаюсь, я недооценил вашу приткость. Равно как и вашу сообразительность. – Очень Большой Начальник поглаживает бородку и смотрит на майора пронзительными глазами. – Я дам вам денег. Много денег. А вы забудете обо всём, что было.

– Нет. Родина дороже, – ни секунды не колеблясь, говорит

майор.

Очень Большой Начальник не желает сдаваться.

– Послушайте, Пронин, я могу обеспечить вам хорошее будущее. Вы достойны большего, чем имеете сейчас.

– Достойн большего? А может, я просто больше, чем я есть?

– Что вы имеете в виду? – осторожно осведомляется Очень Большой Начальник.

– Не только поэт, но и сотрудник спецслужб в России больше чем сотрудник спецслужб. Даже простой сантехник больше чем сантехник. Потому что это Россия. Здесь всё больше, чем оно есть.

Очень большой начальник озадачен. Майор смотрит на него с осуждением:

– Зачем вы организовали похищение академика Морева?

– Формула... Нам выгодно, чтобы всё осталось так, как сейчас. – тихим голосом произносит Очень Большой Начальник.

– Кому это, вам?

Пауза.

– Нам... – нетвердо отвечает он и понуро смотрит под ноги.

– А народ? Вы подумали о народе России?

Очень Большой Начальник отворачивает голову. Ему нечего ответить.

Майор полон решимости. Он немедленно звонит своему

начальству.

– Товарищ Директор, докладывает Пронин. Прибалтийский след, который вел в Лондон, явно тянется в Москву. Более того, в Кремль. В этом оказался замешан Очень Большой Начальник.

– Что?!

– Да-да, Очень Большой Начальник.

– Думаете?

– Уверен. Факты – неумолимая сила. Меня и академика похитили по его указке. Но теперь всё в порядке.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Везу академика Морева в Кремль. И на этот раз есть уверенность, что я доведу академика до Кремля.

– Вам нужна помощь?

– Нет.

– Действуйте.

В самом главном кабинете страны президент слушает по телефону отчет Директора Службы государственной безопасности:

– Господин президент. Экстренная информация. По последним сведениям, полученным от майора Пронина, прибалтийский след, который вел в Лондон... В общем, этот след...

– Говорите. Лучше правда, пусть горькая.

– Он тянется в Москву. И даже в Кремль.

Глубокомысленная пауза.

– Значит, прибалтийский след ведёт в Кремль, – раздаётся, наконец, голос Президента. – Я подозревал, я это подозревал... Где академик Морев?

– Майор Пронин везёт его к вам.

– Хорошо...

Боровицкая башня подставляет свою арку. Машина, за рулем которой майор, заезжает внутрь. Миновав кремлевские дворцы, храмы, автомобиль вырывается на просторы Ивановской площади, пролетает мимо царь-колокола и царь-пушки и тормозит возле старинного здания, приютившего кабинет президента. Майор Пронин вытаскивает академика, заносит внутрь. Академик сладко улыбается во сне и прижимает к себе любимый портфель. Караульный отдает им честь.

Длинный сводчатый коридор уходит вперед. Кажется, что ему не будет конца. Гулко разносится звук шагов.

Вот и нужная дверь. Майор заносит академика в самый главный кабинет, кладёт на диван. Подходит Президент.

– Разрешите доложить... – начинает майор, но Президент останавливает его с отеческой теплотой:

– Всё знаю. Трудно вам пришлось, но вы молодец. Россия спасена... – Президент вешает майору Пронину орден. – Это заслуженная награда. Поздравляю, товарищ полковник.

– Майор.

– Полковник, – твёрдо говорит Президент.

До Пронина доходит, что произошло.

– Да здравствует Россия!

– Да здравствует, – соглашается Президент.

Пронин выходит из кабинета, его встречают довольные начальники, на их лицах елеинные улыбки. Но он видит только Маш у.

– Ну как? – Её глаза полны любовью.

– Наградил. И полковника дал. Я, конечно, рад, но теперь нарушена семейная традиция. Дед был майором. Отец. Должен быть майор Пронин... Придется растить нового майора Пронина.

– Готова тебе в этом помочь, – ласково произносит она. – Ты делаешь мне предложение?

– Делаю.

Их губы сливаются в страстном поцелуе.

Банкет

Пособие для

начинающего патриция

Глава первая, которая всё объясняет

Я бы так сформулировал самое главное определение моего повествования: банкет – праздник жизни, который нескончаем, но который далеко не для всех. Есть участвующие, и есть пребывающие. Остальным проход на банкет закрыт.

Что даёт право на участие в банкете? Должностное положение или богатство. Те, кого приводят с собой участвующие, получают статус пребывающих. Они находятся на банкете по возможности, а не по праву. Но какая разница? Лучше пребывать на банкете, чем находиться за его пределами. В любом случае, это особая гордость – участвовать в банкете или пребывать на нём. Сказано же: «Званых много, но избранных мало». Это о банкете. Том, который всегда был неотъемлемой частью нашего существования.

Всё регулируется Правилами банкета, мудрыми и гуманными. Эти Правила выработывались столетиями. Наша вина, если Правила не на нашей стороне. Ибо каждый – кузнец

своего несчастья. Если только для человека несчастье – оказаться за пределами банкета.

Глава вторая, которая кое-что добавляет к предыдущей главе

Я увидел его. Он шёл навстречу лёгким, стремительным шагом. Так ходят лишь уверенные в себе, успешные люди. Как он был хорош, элегантен: подтянутый, в дорогом, прекрасно сидящем костюме, в ярком галстуке, с уложенными волосами. Я тотчас узнал его. Это был М., мой университетский приятель. Пять славных лет связывало нас. Дивных, неповторимых лет. Бурные попойки, любовные похождения. А в промежутках – лекции, экзамены. Горячие споры. После окончания нашего прославленного заведения мы потеряли друг друга из виду. Я слышал, что он почти сразу попал в престижную фирму и сделал неплохую карьеру. Ничего удивительного, разве можно ожидать иного от человека, у которого отец – весьма влиятельный чиновник? Теперь мы существовали в разных плоскостях. Мои успехи были гораздо скромнее – я был менеджером в фирме средней руки, офисным планктоном, как теперь принято говорить. К тому же наша компания переживала не лучшие времена. Сколько не вкалывай – все равно не дождешься достойной зарплаты. Но других предложений у меня, признаться, не было. Не скрою, пару раз приходила мысль о том, чтобы попросить помощи у М., но я не знал, как его разыскать. Да и временем для поисков не располагал. Сами знаете, как затягивает обычная

суэта, которой наполнена жизнь.

И вот я встретил М. здесь, на солидной конференции в Конгресс-центре. Я попал сюда по чистой случайности. На самом деле приглашение пришло заместителю исполнительного директора, но он собирался в командировку, и было решено, что на конференцию отправлюсь я. Впрочем, и это решение появилось не сразу. Поначалу заместитель исполнительного директора обратился к старшему менеджеру, но тому надо было завершить квартальный отчёт. Оставалось поискать претендентов среди менеджеров, и зам впервые обратил внимание на мою скромную персону.

М. узнал меня, и его красивое суровое лицо озарила лучистая улыбка.

– Привет, дружище! – Он протянул мне обе руки. – Рад тебя видеть. Какими судьбами здесь? Чем занимаешься?

Я был приятно удивлен такой реакцией. Старый приятель не забыл меня, не погнушался пожать мне руку!

– Работаю. Менеджером на одном предприятии. Кстати, давно хотел тебя разыскать. Всё не получалось.

– Не получалось? – М. удивленно вскинул брови. – Скажи лучше, не хотел разыскать старого приятеля, – он похлопал меня по плечу и захохотал.

Я был не настолько глуп, чтоб сразу вываливать на него свои проблемы или обременять просьбами. Так любого оттолкнёшь. Я надеялся на длительное общение, обстоятельный разговор, на воспоминания, которые греют душу. В кон-

це концов, я хотел выпить с моим давним приятелем.

– Дружище, а давай посидим где-нибудь, пропустим по стаканчику, – предложил я.

М. принял мое предложение крайне благожелательно.

– Выпьем! – воскликнул он. – Грех нам с тобой не выпить.

Но только мы пойдём не в ресторан. – М. вдруг склонился к моему уху и заговорщицки прошептал: – Есть куда более достойное место.

Заинтригованный, я тоже перешел на шепот:

– Какое?

– Следуй за мной.

Изящно повернувшись на каблуке, он распрямился и, словно острая ладья, рассекающая волны, двинулся к одному из выходов, размахивая широко расставленными руками как веслами. Конечно, я старался не отставать, пытаюсь, к своему стыду, копировать его бесподобную походку. Так мы «плыли» некоторое время, выдерживая определенное направление. И вдруг я понял, куда лежит наш путь. Там находилась недоступная для меня зона ви-ай-пи.

Как притягательно, маняще звучало это короткое сочное слово «ВИП». Ключ к иной жизни, благородной, обеспеченной. Пропуск в рай. Не какой-нибудь загробный, а тот, что здесь и сейчас, на Земле. Но не для всех. В этот день рай находился в одном из крыльев большого здания, где проходила конференция, и путь туда преграждали охранники. Только Very Important Persons могли беспрепятственно проникать

за высокую дверь.

Я остановился. Так прекращается жизнь. Или полет мысли.

– Ты чего? – осведомился М, увидев мое помрачневшее лицо.

– Меня туда не пустят. Специальный пропуск нужен. Или бейдж, как у тебя, с надписью «VIP».

М. пригладил волосы и подтянул галстук.

– Хочешь, я поговорю с охраной?

– Нет. Без пропуска не получится, – произнес я упавшим голосом. – Сердцем чую.

На секунду задумавшись, М. предложил мне следующий план.

– Значит так. Я зайду, возьму на короткое время у кого-нибудь знакомого пропуск или бейдж и дам его тебе. А ты жди здесь, вон, за углом, и никуда не уходи.

Что ж, я был согласен на все.

Моё ожидание было мучительным, М. долго не появлялся, и когда я уже решил, что мой старый приятель попросту забыл про меня, он вынырнул из-за поворота.

– Извини, что так долго. Не хотели, сволочи, давать, но я был настырен, – сказал М. и с довольной физиономией протянул мне бейдж.

– Но тут фамилия – Икоркин! Вдруг потребуют документы, – всполошился я.

– Тише, тише. Шагай мимо охранников с наглым видом,

и всё будет нормально.

– Как думаешь, мне лучше идти первым или вторым?

М. глянул на меня снисходительно. Ему подобные волнения были непонятны. Он и впрямь стал птицей высокого полета.

– Пойдешь вторым. Главное – не теряться. И больше наглости во взгляде.

Он уверенно пошел вперед, я – за ним, на ходу цепляя к лацкану бейдж. Его следовало успеть приладить до появления в поле зрения охраны. И вот решающий момент – мы предстали перед охранниками во всём блеске. Два преуспевающих человека! Конечно, мой костюм, купленный в обычном магазине, вряд ли мог соперничать с костюмом М., явно сшитым на заказ из заграничной ткани. Но этот недостаток я компенсировал циничным выражением лица, что-то вроде: имел я вас всех, притом в извращённой форме. Однако когда я разглядел надменные морды охранников – мощных ребят в строгих цивильных двоечках, моя спесь слегка поубавилась. Они хитро посмотрели на нас с М., вернее, как мне показалось, сквозь нас. Конечно же, я взял себя в руки, прекрасно понимая, что такова специфика их работы – не оскорбить слишком пристальным взглядом тех, кому нельзя показать, будто их в чём-то заподозрили, но и не дать надежды тем, кто не имел права её получить. Я мобилизовал свою волю. Наглое выражение удержалось на моём лице. Лишь сердце колотушкой стучало в груди. И вот – награда за терпение.

Сработало. Свершилось то, о чём я и мечтать не смел. Заветная дверь в заповедное место открылась и поглотила нас.

Мы оказались в большом, ярко освещенном и аристократично убранном зале. Стены были завешены тяжелыми тёмно-красными портьерами; вытянутые приземистые столы, окружённые кожаными диванами с высокими спинками, делили пространство на уютные зоны. Негромкая приятная музыка сглаживала шум, который порождали переплетающиеся друг с другом женские и мужские голоса. Люди, сидящие на диванах, мирно беседовали или оживленно спорили, поглощали еду или пролистывали меню. Я растерялся – тут и сесть негде.

М. уверенно направился к одному из столов, где расположилась шумная кампания, я засеменял за ним. Появление М. встретили одобрительными возгласами. Ясное дело, его здесь уважали.

– Подвиньтесь. Это мой университетский приятель. Дайте сесть человеку, – весело затархтел М. – Давайте выпьем. Что тут у нас? – Он взял ближайшую к себе бутылку. – М-мм, французское вино. «Медок». Такое тебя устроит?

Разумеется, я согласился. Мне было известно, что французские вина самые лучшие, и название «Медок» я уже где-то слышал.

– За встречу! – поднял бокал М., и над столом раздался приятный хрустальный перезвон. Выпив до дна, М. выдержал паузу и расплылся в блаженной улыбке. – Неплохо. Для

первого раза. Очень даже неплохо.

Я не слишком разбирался в винах, но сейчас нельзя было молчать:

– Отменное вино.

– Ещё? – спросил М.

– Несомненно!

Дождавшись, когда бокалы вновь наполнятся, я сказал тост, надеясь пробудить в М. ностальгические чувства: – За нашу Alma mater! За университет!

Мои слова, кажется, возымели действие. М. тепло посмотрел на меня, и мы выпили.

– С удовольствием вспоминаю нашу учебу. Хорошее было время. Сейчас у меня совсем другая жизнь. Нет, всё нормально. Грех жаловаться. Но часто я не успеваю подумать, что происходит. Хотя, по большому счёту, и не нуждаюсь в этом. Делаю своё дело, и всё. Не то, что в былые годы. Тогда все было по-другому... – тут М. прервался, глянув на мою пустую тарелку. – Ты чего не закусываешь?

– А чем? – я указал на грязные тарелки на столе.

– Действительно, – М. добродушно усмехнулся. – Пожалуй, нам стоит кое-куда сходить.

М. поднялся, я, заинтригованный, последовал за ним. Действительность превзошла самые смелые предположения. Вдоль стены тянулся накрытый белой скатертью стол, ломившийся под тяжестью разнообразной снеди. Мясо, нарезанное тонкими ломтиками: карбонат, корейка, грудинка, вет-

чина, буженина, отварной язык, копчёные и полукопченые колбасы, сыры, красная и белая рыба. Подле каждого блюда стояла плетеная корзинка с хлебом, накрытая ажурной салфеткой. Рядами выстроились пиалы с различными сортами маслин и оливок, маринованный перец и соленые грибки лоснились в розетках, в низких плошках высились горами салаты и паштеты, подрагивали пирамиды холодцов. Между ними стопками возвышались чистые тарелки, лежали вилки и ножи. Изящные вазы трещали под тяжестью экзотических фруктов. Рядом стояли ровными рядами вина разных сортов, бутылки были уже откупорены и слегка прикрыты пробками; легкое движение, и выход для благородной жидкости открыт. По соседству с вином сгруппировались бутылки с коньяком и виски. Подле бутылок ожидали вино чистые бокалы – узкие и высокие, толстые и приземистые. Всё было разумно распределено. С пониманием. Разве что отсутствие водки удивляло.

Как зачарованный, смотрел я на гастрономическое изобилие. Трудно было решить, с чего начать. Хотелось попробовать всё и сразу.

– Хватит закуски? – иронично полюбопытствовал М.

– Вполне, – томно произнес я в ответ, протягивая руку за тарелкой.

Я положил себе разного мяса, рыбы, оливок, грибов, салатов. Тем временем М. знакомился с бутылками, сосредоточенно разглядывая этикетки.

– Во! Чилийское вино, – раздался его удивлённый голос. –

Ты как на это смотришь?

– Я? Хорошо.

– Оно терпкое. Но вкус благородный. Попробуем?

– Да.

Прихватив образец чилийской продукции, М. направился к сырам.

– Любишь такой, с плесенью? – он ткнул вилкой.

– Нет, – соврал я. Как можно любить или не любить то, чего не пробовал? Но в этом я не хотел сознаться. А плесень пугала меня.

– Ты не прав. – На его тарелку опустился большой кусок странного сыра, испещренного голубыми трещинками, и более ничего.

Так, с бутылкой и снедью мы отправились в обратный путь, мимо столов, за которыми весело проводили время люди, находящиеся здесь по праву. Этим они отличались от меня. Признаться, чувство вины на мгновение пробудилось во мне – я проник сюда обманом, и погасло, как только я взглянул на свою полную тарелку.

Тарелки были полны и у моих соседей по столу, а грязные приборы исчезли. Официанты, безмолвными тенями скользившие меж столами и пальмами, зорко следили, чтобы нигде не скапливалась грязная посуда, незаметно забирали ее и улетучивались. «Вышколенные ребята», – подумал я, уселся на диване и приступил к трапезе. Ну что сказать? Кар-

бонат улаждал – нежный, сочный, вкуснящий. На очереди был аппетитный отварной язык, но М. помешал мне насладиться его вкусом, процедив сквозь зубы:

– А пить за тебя кто будет?

Чилийское вино и впрямь оказалось несносно терпким. Но я не скривился, соображая, что критика станет проявлением дурного вкуса. Мне пришлось опустошить бокал, потом другой. После каждого бокала я тщательно закусывал. Получалось терпимо.

Слегка утолив голод, я начал присматриваться к людям, сидевшим рядом. Это были молодые ребята, наши с М. ровесники. Довольные холеные лица, красивые галстуки, пиджаки с иголки...

– Кто они? – тихо любопытствовал я, повернувшись к М.

– Знакомые. Работают в банках, в крупных фирмах. Некоторые – в государственных учреждениях. Попробуй сыр. – М. пододвинул ко мне свою тарелку.

Я рискнул, отломив кусочек, положил в рот. Ничего страшного. Даже приятно. Вкус пикантный, тонкий. Следующий кусочек уже доставил мне определенное удовольствие.

– Ну, распробовал? – М. смотрел на меня с братской любовью.

– Да, – торжественно произнес я. – Ты был прав. Сыр с плесенью – вещь, достойная уважения.

Тут перед нами возник импозантный мужчина средних

лет в костюме-тройке, с тонко подобранным галстуком – неярким, но запоминающимся. Особенно на фоне розовой рубашки. Но более всего привлекли мое внимание его глаза – слегка на выкате, умные, пронзительные.

– Рад был вам помочь.

– Отдай ему бейдж, – тихо проговорил М., – это его.

Я снял с себя пластмассовый прямоугольник, протянул моему спасителю.

– Больше не забывайте свой пропуск, – с легкой назидательностью сказал он. – Всего доброго.

Когда он исчез, я вопросительно посмотрел на М.

– С чего он решил, что у меня есть пропуск?

– Я ему так сказал.

Оставшись без бейджа, я испытал некое волнение. Что ждало меня теперь на этом пространстве? Склонившись к М., я спросил:

– А меня не выгонят?

– Нет, – махнул рукой мой приятель. – Если ты здесь, уже не выгонят. Никто не знает, как ты здесь появился. Может быть, тебя провёл тот, кто имеет право приходить с гостем. Фактически ты – пребывающий на банкете. Значит, имеешь определенные права.

Это обнадежило. Настолько, что я пошёл за новой порцией закуски и взял ту же еду, что и в прошлый раз. Посмотрев на мою тарелку, М. удивился:

– Отчего ты не захотел взять горячее?

– Как не захотел? – И я указал пальцем туда, где располагался стол с запасами еды. – Там нет горячего.

– Там – нет. Подзови официанта, сделай заказ, и он принесёт горячее.

– Какое?

– То, что попросишь.

Почти не сомневаясь, что М. меня разыгрывает, я все же подозвал официанта.

– Слушаю, – учтиво произнес он и, раскрыв блокнот, приготовился записывать.

– Что у вас на горячее?

– Телятина с грибами, свиная отбивная, шашлык из баранины, жаркое по-домашнему, жареная осетрина, – отчеканил юноша в бордовой форме. – На гарнир картофель фри и цветная капуста.

Я заказал свиную отбивную с картофелем фри, и через каких-нибудь пять минут уже тестировал местную горячую кухню. Свинина была удивительно хороша и просто таяла во рту – не требовалось никаких усилий, чтобы жевать её. А вкус! Я прямо-таки растворился в наслаждении.

– Попробуем испанского, – раздался довольный голос М., только что вернувшегося из очередного похода за едой, и новая жидкость наполнила мой бокал.

Вино было прекрасным дополнением к свинине. Жизнь казалась ярким праздником. И так хотелось, чтобы он длился вечно.

– А почему нет водки? – без ложной скромности поинтересовался я.

– Есть. Надо попросить, и её принесут. Хочешь?

– Нет... пока не хочу. Но почему вино стоит там, на столе, а водку надо просить, чтобы принесли?

– Потому что вино следует пить при комнатной температуре, а водку – охлаждённой. Водка находится в холодильнике. Запомни, вино бывает разным, а водка – плохой или хорошей. Здесь подают только хорошую.

Разумность этой части банкетного устройства радовала.

– А коньяк и виски?

– Коньяк не охлаждают, а виски пьют с содовой и со льдом. Хотя можно только со льдом.

Жизнь продолжала преподносить приятные сюрпризы, а сидевшие рядом люди казались дружелюбными и отзывчивыми. Но один вопрос все же крутился у меня в голове, и я решил, что сейчас вполне подходящий момент, чтобы поспрашивать М.

– А почему ты не попросил наших соседей по столу дать мне бейдж или пропуск? Разве это невозможно?

М. глянул на меня снисходительно. Опять я чего-то не понимал.

– Не всё так просто, – сказал он строго и, приблизив губы к моему уху, добавил шепотом: – Честно говоря, моим знакомым вообще лучше не знать, как ты стал пребывающим на банкете.

Я чувствовал, что М. не договаривает, однако предпочел не лезть с новыми вопросами. То, что я мог знать, я и так знал, а то, что мне не положено знать, оставалось для меня недоступным. Что ж, пусть так.

Разговор соседей слева, протекавший до той поры мимо моего сознания, вдруг заинтересовал меня. Речь шла о том, как быстрее добиться высокого положения.

– Глупо делать ставку на хорошую работу, – лениво говорил сидевший рядом со мной человек с короткой стрижкой и приплюснутым носом. – Большого добивается не тот, кто хорошо работает, а тот, кто мил начальству. Делай всё, чтобы начальник любил тебя. И уж точно нет начальников, которые потерпят рядом с собой более умного подчиненного. Поэтому опасно показывать свой ум.

– Сейчас не добьёшься высокого положения без богатых родителей, – утомленно заметил его сосед, обладатель скуластого лица.

– Не скажите, – с вялым оживлением возразил брюнет с близко посаженными чёрными глазами. – Если только отсиживать зад в кресле, многого не получишь, возможности открываются тогда, когда эту пятую точку начинаешь подставлять, кому следует.

Мня страшно заинтересовал этот разговор, и я нахально влез в беседу:

– Вы имеете в виду мерзких педиков? Они что, и во власть лезут?

За столом воцарилась тишина. Я понял, что ляпнул лишнего и лихорадочно соображал, как выкрутиться. На помощь, как всегда, пришел М.

– Не все шутки удаются, – весело произнес он и погрозил мне пальцем. – Вернее, не все они так же хороши, как здешний жульен. Возьмём, друзья?

– Пожалуй, – согласился короткостриженный и недоверчиво покосился на меня.

Тем не менее, опасность миновала, а разум мой прояснился – теперь я знал, как действовать. Подняв руку, я подозвал официанта и с показной небрежностью произнес:

– Жульен. Для всех.

Покорно кивнув, официант удалился.

– А мы ходим с моим другом, выберем вина, – сообщил М.

Я был не против совершить небольшое путешествие. Парочкой мы отправились к заветному столу. Взяв одну из бутылок и повертев ее в руках, М. принялся за мое воспитание:

– Ты что, рехнулся? В правительстве и в парламенте уйма голубых. Ты наживёшь опасных врагов, если будешь оскорблять их, обзывать мерзкими педиками. Будь осторожен... – он ткнул в меня горлышком бутылки и сменил тон: – думаю, французское вино поможет наладить нам мосты доверия. «Шабли Гран крЮ Ле Прёз» пятилетней выдержки, – прочитал он этикетку. – Берём!

Признаться, меня расстроили его слова. Я понял, что со-

вершил серьезную ошибку. Опростоволосился. Дал маху. Как теперь быть? Не подавать виду. Будто и не говорил глупостей.

Мы вернулись с М. за стол, я набросился на жульен, запивал его французским вином, слушал разговоры и помалкивал.

– Американские машины более комфортные, – говорил М., попивая вино. – Немецкие – надёжные, но ездить на них не так удобно.

– А я люблю немецкие, – сообщил мой сосед слева. – Сейчас у меня третья машина, и все были немецкие. Сначала был «Фольксваген», потом – «Мерседес», а теперь – «БМВ».

– Да, немецкие машины – неплохие, – согласился М., потягивая вино. – Только я предпочитаю американские. Они комфортнее. Сейчас у меня «Крайслер».

Я мог выступить в защиту южнокорейских машин – я ездил на «Дэу», но не проронил ни слова. Вдруг окажется, что голубые вообще не любят автомобили из Южной Кореи или что-нибудь в этом роде. Пока я размышлял об этом, тема разговора сменилась. Сидевший напротив меня полноватый мужчина в массивных роговых очках стал делиться впечатлениями от вчерашнего посещения стриптиз-клуба:

– Она говорит: хотите, я буду танцевать только для вас, в отдельном кабинете. Я всё с себя сниму. И это всего за пятьсот долларов. Но трогать меня нельзя. Скажите, зачем мне тратить пятьсот долларов, если трогать её нельзя? Я тоже ре-

шил, что это мне ни к чему. Сидеть там с торчащим членом и не иметь возможности засунуть его туда, где ему самое место – сомнительное развлечение.

– За иной танец можно и пятьсот долларов отдать, – мечтательно заметил М.

Тут мнения разделились. Одни поддержали господина в очках, другие – позицию М. Конечно, я был на стороне приятеля, хотя у меня никогда не имелось лишних пятисот долларов на стриптизёрш. Впрочем, я решил все-таки вступить в дискуссию, а заодно показать М., что сделал работу над ошибками, и голубые отныне мне совершенно не противны.

– Это весьма тонкое наслаждение, – сказал я. – Более изысканное, чем трахаться. Просто надо понимать эротический танец. И неважно, кто исполняет его, женщина или мужчина. Главное – как исполняет. И потом, смотреть даже интереснее, чем крутиться самому. Воображение может больше, чем реальность.

Мои слова восприняли благосклонно. Я был доволен. Впрочем, разговор тут же вильнул в другую сторону. Компания принялась обсуждать новый кинофильм одного очень популярного режиссёра. Одни доказывали, что режиссёр повторяется, что в фильме ничего новаторского, другие, напротив, хвалили последнее творение мастера, уверяли, что оно получит премию в Каннах или даже Оскара. Я молчал, поскольку не видел фильма. Позже речь зашла о том, где лучше проводить отпуск. В перечне достойных мест значи-

лись Майами, Гавайи, Канарские острова, Испания. Сравнивались цены, качество услуг. Мне вновь приходилось помалкивать. Я прекрасно понимал, что глупо было упоминать здесь Турцию.

«Как они всё успевают? – с удивлением думал я. – Спроси о чём угодно, они всё знают, обо всём имеют мнение. Я тоже так хочу».

И тут я углядел неподалеку от нас священника, еще довольно молодого, с редкой бородкой. Служитель церкви с явным удовольствием выпивал и закусывал – благостное выражение сияло на лице.

– А он что тут делает? – опешил я.

– Участвует, – ответил М. – А что тут необычного? У него достаточно высокий чин. Религиозные деятели высокого уровня – неотъемлемая часть истеблишмента.

Я смотрел на священнослужителя с нескрываемым любопытством. В церковь я не ходил, и потому никаких контактов с ними не имел.

– Ты веришь в Бога? – спросил я своего приятеля.

Он глянул на меня с превеликим удивлением.

– Конечно. Разве могут быть сомнения? Сейчас полезно верить. Но ещё полезнее ходить в церковь. Госчиновники все там по церковным праздникам. Большинство предпринимателей – тоже.

Какой холодной была его улыбка. – А ты ходишь?

– Нет, – признался я.

– Не стоит этим пренебрегать. Поверь.

– Я уже понял.

Две прехорошенькие особы появились на горизонте. Длинноногие, в элегантных платьях, обтягивающих точеные фигурки, обе с маленькими сумочками на тонких ремешках. Я решил проследить за ними – что они будут делать дальше. И тут М. поднялся, начал махать им рукой. Девушки, увидев его, радостно замахали в ответ и, весело щебеча, подошли к нам. Я был представлен, как и остальные. Вблизи эти милые создания выглядели просто волшебно. Стройные, темноволосяные, одна – с карими глазами, другая с голубыми.

– Двигайся, не спи! Дай девушкам сесть.

Голос М. вывел меня из легкого оцепенения, в которое я впал, залюбовавшись красотками. Я решил проявить инициативу, позвал официанта, предложил дамам сделать заказ. Когда они сообщили о своих желаниях, попросил себе жареной осетрины и отправился к щедрому столу за вином и закуской.

Я притащил разных деликатесов и две бутылки вина. Взял чилийское под названием «Sunrise Cabernet Sauvignon» и французское, которое «Шабли». Ни то, ни другое дамам не понравилось – это чересчур терпкое, то – кислое. Голубоглазая хотела «Мартини» с апельсиновым соком, а кареглазая – ликёра «Бейлис».

Что может быть лучше участия в банкете? Ни-че-го! Я подзывал официанта, и тот, словно джин, беспрекословно

исполнял все приказания. Как в сказке, не иначе! И лишь одно обстоятельство смущало меня, подпорчивало эту самую сказку – легкая тревога и чувство вины, ведь я проник сюда обманом. Любая проверка в момент установила бы, что у меня нет каких-либо оснований пребывать здесь. То, что мой университетский приятель имел право на участие в банкете, не оправдывало моё нахождение здесь. Это было ясно, как дважды два. Но я старался гнать от себя прискорбные мысли. И беседа с кареглазой особой тому способствовала. Я уже выяснил, что она – референт одного важного министра, а её подруга – редактор на телевидении.

– И как министр? – любезничал я. – Хороший человек?

– Хороший, – кареглазая лучезарно улыбалась. – Заботится о подчинённых. Особо не задаётся. Подарки по праздникам дарит.

– Работа референта не слишком утомительна?

– Нет. Я с лёгкостью справляюсь.

– Время свободное остаётся?

– Остаётся.

– На банкетах часто бываете?

– Приходится, – она томно вздохнула.

– А как зарплата в министерстве?

– Не зарплатой единой жив человек.

Сказав это, кареглазая кокетливо поморгала хитрющими глазками, переглянулась со своей подругой, и девушки хором сообщили, что им пора. Поблагодарив нашу кампа-

нию за гостеприимство, они исчезли, и запах тяжелых сладко-горьких духов растаял над столом. Как и моя робкая надежда на любовную интрижку.

Да какая там робкая надежда! Я уже строил вполне определённые планы. Кареглазая смотрела на меня с явной симпатией. Мне казалось, что она не прочь замутить со мной романтическое приключение. И вот ее нет, будто и не было. Я расстроился.

– Почему они ушли? – тихо спросил я М.

– Откуда мне знать? Наверное, дела.

– Разве они пришли сюда не ради тебя?

– Нет. Но мы дружим. Между прочим, та, с которой ты флиртовал, – любовница заместителя министра.

– Да?

Это было обидно: такое чудесное создание, и чиновник, скорее всего, старый и толстый.

– А куда они теперь?

– В другие залы.

– Здесь есть другие залы?! – поразился я.

– Есть.

Это было ново, неожиданно. Зачем же мы сидели здесь?

– Так пойдем скорей туда! Честно говоря, мне бы очень хотелось продолжить общение с кареглазой, которая из министерства.

М. снисходительно усмехнулся.

– Э-э, да ты совсем ничего не знаешь. Придётся занять-

ся твоим воспитанием. Даже пребывание на банкете требует выполнения определённых правил. Не говоря уже про участие.

– Не понял...

– Есть два статуса: участвующий в банкете и пребывающий на банкете.

– Не вижу разницы.

– Разница есть, и большая. Кто-то участвует, а кто-то пока что пребывает на нём. Пребывание не гарантирует дальнейшего участия, вот в чём хитрость. Впрочем, пребывающий на банкете выше не пребывающего и не участвующего. Тут уж разницы никакой: не пребываешь или не участвуешь – всё одно. Так вот, правила поведения пребывающего на банкете не менее чёткие, чем правила поведения участвующего в банкете. Скажем, пребывающий на банкете, впрочем, как и участвующий, может есть и пить, сколько угодно, но выносить еду за пределы банкета нельзя. Как и выпивку. Запрещается также мешать другим участвующим в банкете, равно как и пребывающим, осуществлять их права участвующего и пребывающего.

– А что будет с тем, кто мешает?

– Если это участвующий, его предупредят, может быть даже возьмут штраф, а в случае повторного нарушения Правил выведут прочь, за пределы банкета. Пребывающего сразу выведут прочь.

– В этом и состоит вся разница в правах участвующего и

пребывающего? – полез в тонкости я.

– Разумеется, нет. Участвующий имеет право на критику банкета в рамках своей компетенции, пребывающий – нет. Допустим, я могу высказать свои замечания по поводу качества продуктов и напитков или работы обслуживающего персонала. Ты – не можешь. Впрочем, я могу высказывать замечания только по поводу работы этого зала. Надеюсь, что так будет не всегда. Ну... есть еще один пункт Правил банкета, разъясняющий разницу в правах. Участвующий может настоять на выводе пребывающего за пределы банкета, пребывающий лишен такого права и по отношению к участвующим, и по отношению к другим пребывающим.

Всё, что он рассказывал, было очень познавательно. Только меня по-прежнему влекла кареглазая особа. Я не мог усидеть на месте.

– Что, если нам перейти в другой зал и там продолжить разговор?

– Это почти не возможно.

– Почему? – опешил я.

– Правилами не допускается переходить из зала в зал. За это метрдотель и служители банкета могут не только оштрафовать, но и вывести с банкета. Большой риск стать не участвующим в банкете и не пребывающим на нём.

Я был озадачен. Выходит, я не мог последовать за кареглазой особой. Я ощутил свою ущербность.

– Кто ввёл эти Правила?

– Кто их ввёл? Они отработывались столетиями, шлифовались, выверялись до малейших подробностей. В них опыт наших предков.

Мне уже казались тесными пределы зала, в котором я пребывал. Как это мучительно сознавать, что поблизости есть пространства, манящие, но недоступные для тебя. Чёрт бы побрал эти Правила!

Я позвал официанта и выпалил:

– Водки и солёных огурцов!

Ни одна мускула не дрогнула на лице официанта, он принял заказ и удалился. А вот М. склонился ко мне и душевно произнес:

– Не спеши напиток. Думаю, не та ситуация.

– Правила запрещают? – ехидно спросил я.

– Правила этого не запрещают, – без всякой обиды продолжал М. – Скандальить нельзя. Мешать другим – тоже. А хочешь напиток – ради Бога. Вот, пожалуйста.

М. указал налево. Приглядевшись, я увидел полного человека средних лет, дремавшего через стол от нас. Голова его была запрокинута, рот раскрыт. И что же? На дремавшего никто не обращал внимания.

– Он участвующий или пребывающий?

– Никакой разницы. Даже пребывающий вправе напиток. Не ожидал, что на тебя произведет такое впечатление положение Правил, запрещающее перемещения между залами. Вот ты хочешь, чтобы сюда пускали всех желающих? Нет? И

те, кто сейчас находятся в других залах, не хотят. Для большинства из них этот зал – всё равно, что улица. Поверь, подобное положение дел нормально. Что сказано в Библии? «Много званых, но избранных мало», – М. поднял палец, подчёркивая назидательность прозвучавшей цитаты, а заодно и свою эрудированность.

Тут возник официант с подносом, на котором возвышалась бутылка водки, запотевшая, покрытая росинками. Сначала он поставил передо мной тарелку с аккуратными огурчиками, потом – рюмку. Взяв изящным движением бутылку, он заставил её отдать некоторое количество прозрачной жидкости рюмке. Вопросительно посмотрел на М., но тот покачал головой. После этого бутылка опустилась на стол, а официант тихо удалился.

«Пить иль не пить? Вот в чём вопрос, – размышлял я, глядя на полную рюмку. – Напиться и забыть про все разочарования? Уйти в тот зыбкий мир, что дарит забытьё? И уподобиться тому, кто счастлив сам собой, кому не нужен гений, творящий этот мир? Или пройти весь путь с открытыми глазами? Узнать всю боль потерь? Но выстоять, испив до дна всю чашу, данную судьбою?.. Как быть? И что мне предпочесть?»

– К чему так много дум на ровном месте, – вернул меня на грешную землю М. – Ты давай, допивай, и мы с тобой пойдём.

– Куда?

– Поверь, не будешь ты разочарован.

И в самом деле, что от рюмки той? Я выпил. Разом. Студеный вал обрушился мне в горло и внутрь ушёл. Я выбрал огурец. Как дивно он хрустел. Как дивно. Сколько малых радостей на свете. Глупо их не замечать. Ой, как глупо...

Рюмка водки успокоила меня. Я глянул на приятеля:

– Идем?

Он кивнул. Решительно поднялся. Проговорил, обращаясь к сидящим за столом:

– Господа, мы ненадолго покинем вас. Места держите.

Я последовал за своим другом, как верный пес за хозяином, до развилки, потом мы свернули в противоположную от выхода сторону, прошли еще немного по сужающемуся коридору и уткнулись в темно-синие портьеры.

– Подожди меня здесь, – сказал М. и исчез за матерчатой преградой.

Я закрыл глаза и подумал о зале, который приютил меня, накормил, напоил, дал интересное общение, познакомил с новыми людьми. Чего ещё желать? Куда стремиться? Здесь так просторно и многолюдно. Здесь можно затеряться. Можно забыться. Можно сидеть в одиночестве, а можно – в шумной компании. Что ещё надо? М. прав: какая мне разница до других залов и тех, кто находится в них. Я должен радоваться, что попал сюда, и точка.

Рука опустилась на моё плечо. Я разомкнул веки – М. знаком манил меня за портьеру. Там обнаружилась дверь, обе-

регаемая парой охранников. Они не препятствовали нам, и мы оказались в следующем зале. Навскидку он был немного меньше первого, но его убранство радовало. Высокие спинки светлых кожаных диванов создавали гораздо более интимную атмосферу для времяпрепровождения, чем в предыдущем зале. В центре возвышался изящный фонтан из мрамора – наяда застыла среди струй. Я сразу понял – находиться здесь куда престижнее. Спазм сдавил мое горло.

– Как тебе удалось? – восхищенно спросил я.

– Дело в том, что со служителями банкета можно договориться. В конце концов, они живые люди. Но это за рамками Правил. Так что об этом никому нельзя говорить...

Мы двинулись по проходу. И тут я увидел их – кареглазую и голубоглазую. Они сидели в большой мужской компании и оживленно беседовали.

– Смотри, те девушки, – я кивнул в их сторону. – Подойдём?

– Нельзя. Мы помешаем.

Какая жалость! Мне так хотелось продолжить общение с кареглазой. Увидеть заинтересованный взгляд, услышать приятный голос, обрести надежду на развитие отношений... Я надеялся, что она хотя бы заметит меня, когда мы проходили мимо, но и этого не случилось. Однако чем больше я смотрел по сторонам, тем быстрее улучшалось мое настроение. В этом зале было гораздо больше женщин, и каждая – милашка, одетая в красивое платье или костюм. Нет, не зря

мы пустились в это захватывающее путешествие.

Нам помахал рукой человек, у которого М. одолжил для меня бейдж. Он был один за столом, и мы направились к нему.

– Зовите меня просто Р., – представился он. – Присаживайтесь, друзья. Рад видеть вас. Как, нашли свой пропуск?

– Да, – соврал я.

– Вот и славно. Закажите себе чего-нибудь. – Он подошел к нам пухлую папку меню.

Знакомство с меню вызвало у меня самые радужные чувства. Я долго ползал взглядом по страницам, а когда поднял голову, обнаружил официанта, стоящего рядом.

Я заказал икры, черной и красной, слабосоленой форели, фаршированных баклажанов, зеленое лобио, салат по-гречески. На горячее – каре ягнёнка под соусом розмари.

– У вас одна кухня с тем залом? – Я указал в ту сторону, откуда мы с М. недавно пришли.

– У нас своя кухня, – сухо заметил официант. – Что пить будете?

Я посмотрел на своего приятеля.

– Ты – знаток. Заказывай.

М. углубился в карту вин, но его опередил «хозяин столика»:

– Принесите нам бутылочку «Медок Шато Тэр Руж. Крю Буржуа». – Он подмигнул мне. – Стоящее вино. Можете не сомневаться. Оно здесь пятилетней выдержки.

Официант удалился, а Р. продолжил разговор.

– Любите вино?

Я сразу понял, что выставлять себя тонким ценителем опасно – этот человек быстро выведет на чистую воду. Поэтому ответил уклончиво:

– Люблю. Но ещё не успел постигнуть многие тонкости. В отличие от моего друга М., который знает в этом деле гораздо больше меня. – Да, я знаю больше, – охотно согласился М., – но не настолько, чтобы считать себя знатоком. Я лишь скромный кандидат на звание знатока.

– Что же, сочту за честь посвятить вас в некоторые тонкости винной продукции, – произнес Р., и выражение его лица сделалось серьезным. – Итак, наше нёбо воспринимает четыре различных вкуса, а именно: горький, сладкий, соленый и кислый. Эти четыре основных вкуса интерактивны, их взаимодействие таково: солёное усиливает горькое, горькое смягчает кислое, а сладкий вкус приглушает ощущения от кислого, солёного и горького. Таким образом, гармония может быть найдена при противопоставлении двух взаимодействующих вкусов: к примеру, присущая белым полусладким винам сладость прекрасно сочетается с солёным привкусом некоторых голубых сыров, таких, как, скажем, Рокфор.

Эти слова звучали для меня как чудная музыка. Я слабо кивал в такт его речи, а он, между тем, продолжал:

– Правила употребления вин таковы: сочетание должно основываться на уровне ароматов и вкуса вина и блюда, а

также надо учитывать их интенсивность и взаимодействие. Обычно начинают с самых молодых вин и завершают винами более выдержанными. Подача наиболее лёгких вин предшествует подаче более структурированных и полнотелых. Двигаться следует от вина самого прохладного к вину самому «шамбрированному». Сухие белые вина подаются перед полусладкими винами. Достоинства «тельных» и благородных красных вин лучше оцениваются зимой. И, наоборот, в тёплое время года лучше предпочесть свежее и лёгкое вино. Великие вина не обязательно требуют сложных и замысловатых блюд. Как раз наоборот, они наилучшим образом оцениваются и полнее всего выражают свои достоинства в сочетании с простыми блюдами. Главное, чтобы эти блюда были качественными. Если трудно соблюсти всю совокупность этих правил, можно уяснить в качестве основного принципа следующее: последнее поданное вино не должно вызывать сожаление о предыдущем.

Я был очарован. Вопрос выскочил сам собой:

– Вы имеете отношение к торговле вином?

– Нет. Исключительно к его употреблению.

– Простите, а чем вы занимаетесь?

– Видите ли, я сейчас на государственной службе. Но ещё недавно работал в крупной фирме, занимал высокую должность. По секрету могу сообщить, что она занимается поставками вооружений. А перед этим я тоже был на государственной службе. Так складывалась моя жизнь.

Мне определенно нравился Р., такой обходительный, эрудированный, уверенный в себе. В высшей степени приятно было общаться с ним. Когда он спросил, чем занимаюсь я, пришлось соврать. В самом деле, не говорить же ему, что я тот самый офисный планктон!

– Генеральный директор фирмы. Средней, но бурно развивающейся. Мы работаем в сфере консалтинга. Безопасность, риски, инвестиции.

– Любопытно. Весьма любопытно... А что-то за вами есть?

– Прочные связи в силовых структурах.

– Это хорошо, – задумчиво произнес он. – Хотя по-прежнему лучше там работать, чем иметь связи... Отчасти с вами разобрались. А про М. я всё знаю. Мы – давние знакомые... Вот и закуска. Давайте займёмся делом.

Он дождался, когда все тарелки опустятся на стол, а вино стараниями официанта окажется в бокалах, и произнес лаконичный тост:

– За знакомство!

Признаться, я не ощутил чего-то особенного – вино как вино, вкус приятный, но не более. За что платить такие деньги – а я подозревал, что оно весьма дорогое, – я не знал, но изобразил на лице безмерное наслаждение.

Бутерброд с черной икрой и баклажаны подкрепили мои силы. Я собрался с духом, наполнил всем бокалы и произнес тост:

– За наше процветание!

Тост был принят, вино – выпито. Лобио, приготовленное в лучших грузинских традициях, услаждало меня. Как и салат по-гречески. Вино дополняло вкусовые ощущения. Честно говоря, оно всё более нравилось мне, как и этот невероятный вечер.

– Хорошо здесь, – проговорил я, окинув зал довольным взглядом. – Всё-таки банкет – это прекрасно. Особая форма существования.

Р. усмехнулся, а мой давний приятель снисходительно проговорил:

– Согласно Правилам, о которых я тебе говорил, банкет – торжественный званый обед или ужин в честь какого-либо важного события.

– Но кто сказал, что жизнь – не событие?! – глаза Р. вспыхнули чудным светом. – Событие. И какое! – Он погрозил пальцем невидимому оппоненту. – Так что банкет – обычный праздник жизни.

– Согласно Правилам, на банкет приглашается строго ограниченный круг лиц, – мягко возразил М.

– А кто сказал, что обычный праздник жизни для всех? – Взгляд Р. сохранял чудесное свечение. – Всё равно банкет – обычный праздник жизни. Данная формула заслуживала того, чтобы за неё выпить. На том вино закончилось. Официант получил приказание принести такого же.

Новая бутылка прибыла к нашему столу вместе с каре яг-

ненка и медальонами из телятины, которые заказывал М. Каре оказалось отменным – нежнейшее мясо. А вкус...

– Как соус розмари? – поинтересовался М.

– Объеденье. А как твой сливочно-сырный?

– Тоже на высоком уровне.

– Кухня здесь неплохая, – заметил Р. – Но забывать про вино не стоит.

Я исправил оплошность – наполнил бокалы. И вдруг увидел её, кареглазую особу. Она двигалась в нашу сторону. Я ни секунды не размышлял: встал из-за стола и пошел ей навстречу.

– Вы уже тут? – озадаченно спросила она, когда я преградил ей путь.

– Да. Не посидите с нами? – Я указал на наш стол. – Мы будем очень рады. Прежде всего – я.

– Спасибо. Я спешу.

И она продолжила свое удивительное движение. Ах, что это была за походка! Я наслаждался, глядя ей вслед.

Когда я вернулся за стол, Р. спросил меня, хитро улыбаясь:

– Вы знаете, кто она?

Я покачал головой.

– Это любовница министра. Вы рискуете, министр весьма ревнив и злопамятен.

Я с укоризной посмотрел на М. Но мой приятель был удивлен не меньше меня.

– Разве она не любовница заместителя министра? – промямлил он.

– Уже нет. Месяц назад она стала любовницей министра. И, соответственно, его референтом. Вы упустили, мой друг, важное изменение. Надо быть внимательнее. Иначе можно попасть впросак. И давайте, наконец, выпьем, – произнес Р. и обратился ко мне: – А вы не забывайте про своё каре. Баранину следует есть, пока она горячая. Предлагаю тост за успех в любовных похождениях. Если вы наставите рога министру, я буду рад. Но соблюдайте осторожность.

Я выпил прекрасное вино и доел изысканное каре. Разговор, между тем, коснулся государственной службы.

– Никогда не думали занять какую-нибудь серьезную должность? – обратился Р. к моему старому другу.

– Нет, упаси Боже. Лучше я останусь в коммерческой структуре. У меня там прочные позиции.

Р. вопросительно глянул на меня.

– А я не получал интересных предложений, – ответил я, потупив взгляд.

Это было правдой наполовину – я не получал никаких предложений.

– Понимаю вас, – сочувственно произнес Р. и снова вернулся к разговору с М. – Всё логично. Если жизнь на этой планете испытание, то жизнь в обличии государственного чиновника – особое испытание. Главная проблема с народом. Люди хотят работать поменьше и получать побольше,

ни за что не отвечать, развлекаться с утра до вечера, но чтобы при этом государственные чиновники решали все их проблемы, всегда были приветливы и учтивы. Да, всё так. Быть государственным чиновником тяжело. Но порой для того, чтобы занять достойную должность в крупной компании, приходится идти на государственную службу.

– У государственных чиновников низкая зарплата, – заметил М.

– Есть проверенные способы её повышения, – с лёгкостью возразил ему Р. и перевёл взгляд на меня. – Вполне могу понять М., у него работа в крупной корпорации, надёжная перспектива. А у вас что? Средняя фирма, пусть и бурно развивающаяся. Конечно, связи в силовых структурах чего-то стоят. Но где перспектива? На консалтинговой деятельности вы больших оборотов не достигнете... Но вы мне нравитесь. Я подумаю, какую должность в государственных структурах вам предложить.

Я кивнул – пусть предложит. Будет что-то стоящее – соглашусь. А нет – с полным основанием стану говорить, что меня звали на государственную службу, но я отказался.

Тут Р. привстал и помахал рукой пожилому лысому мужчине. Когда он подошел к нам, я тотчас узнал его – это был известный экономист. Одно время он даже работал в правительстве.

– День добрый, господа, – доброжелательно произнёс экономист.

Р. представил ему нас с М, и он, немного поломавшись, сел за стол. От вина отказался, попросил виски. Р. немедленно заказал бутылку «Джони Волкера Блю Лейбл» и кофе на всех.

– Скажите, вас не волнует падение доллара? – М. смотрел на известного экономиста с обожанием.

– Нет. Долго падать ему не дадут. Дефицит американского бюджета не позволит. Но временное падение полезно американцам. И создаст некоторые проблемы для Европы. Кстати, Dow Jones последние три месяца растёт.

В этот момент я увидел голубоглазую особу, подругу любовницы министра. Она следовала мимо нас. Дождавшись, когда экономист закончит свою речь, я не сдержался и спросил:

– А эта женщина, что прошла мимо нас, чья любовница? Телевизионного начальника? Она ведь на телевидении работает?

– Руководителя государственного канала, – бесстрастно сообщил Р.

Известный экономист посмотрел ей вслед и хмыкнул. Официант принес бутылку виски, стаканы со льдом и кофе. Густой кофейный аромат, как ни странно, эффективно стимулировал желание приступить к дегустации ячменной жидкости, и употребление виски началось.

Сначала мы молча наслаждались этим напитком, затем известный экономист, сладко причмокивая губами, отки-

нулся на спинку кресла и заговорил вполголоса:

– Перенасыщенность прошлым убивает нас. Как только иссякает некий запас, позволяющий впитывать новое, прекращается движение вперед. И тогда пора сходить со сцены.

– Вы про пенсию? – растерянно спросил М.

– Нет. Про смерть.

Никто не решился возразить, и мы снова какое-то время пили виски в молчании. Наконец М. подал голос:

– Вы не слишком спешите?

– Что, спешу? А-а, вы про это... Вовсе не спешу. Я просто понял причину. Суть ухватил. Прошное нельзя забывать, но позволять ему довлеть над собой опасно.

– Прекрасные слова. – Я решил поддержать тему. – Глубокие. За это надо выпить. После очередной порции виски я решил выпить кофе, пока он не остыл. Но как только я придвинул к себе кофейную чашечку, раздался звон разбитой посуды и выкрики. Я огляделся – метрах в десяти от нас дрались два человека. Один, повыше и помощнее, скорее защищался, а тот, что был поменьше, наскакивал на него, выкрикивая нечто невразумительное. Публика за столиками оживилась, кто-то привстал, кто-то подошел поближе, через пару минут у драчунов уже появились помощники, и стало непонятно, кто с кем сражается. Но подскочившие мощные люди в штатском прервали бой, расцепив разгоряченный людей. Конфликт был погашен, зачинщики драки и ее участники выведены из зала под руки.

– За такое выкидывают с банкета? – спросил я у М.

– Правила банкета гласят: в случае возникновения конфликтов, ссор и драк виновные с более низким статусом выдворяются за пределы банкета. Если виновные имеют равный статус, они получают порицание. Так что если пребывающий подерётся с участвующим, его удалят отсюда.

– А если участвующий нападет на пребывающего? – Мне захотелось докопаться до истины.

– Значит, был повод напасть. В любом случае Правила на стороне участвующего.

– Не всегда, – вставил своё слово Р. – Я сам видел, как пребывающих не выдворяли. Но это особые случаи – пребывающие оказывались здесь благодаря участвующим весьма высокого ранга. По сути, такие пребывающие не де-юре, а де-факто являлись участвующими.

– Ну, хорошо, а если участвующие равного ранга всерьёз подрались? не унимался я. – Особенно, если они пьяные. Что тогда?

– Ничего страшного. Есть комнаты отдыха. Участвующий может отдохнуть и затем продолжить участие в банкете.

– А если и после отдыха двое участвующих продолжают драку?

– Тоже ничего страшного. Есть другие залы. Их могут принудительно развести по разным залам. Но не за пределы банкета. Чувствую, что ваш опыт участвующего мал. Это не страшно. Все мы когда-то начинали. То, что вы не стесняе-

тес задавать вопросы, хорошо.

– Задавать вопросы надо, – проговорил тихо попивавший до той поры виски известный экономист. – Но не плохо бы ещё делать правильные выводы.

– Я что-то не так сказал? – встревожился Р.

– Боже упаси. – Экономист отодвинул от себя пустой стакан. – Я вовсе не вас имел в виду, а правительство.

Он обвёл усталым взглядом нашу компанию и, сославшись на важные дела, откланялся.

Я задумался над его словами. Ошибки правительства?

Может, он просто усомнился в моих способностях, а потом ловко перевел разговор на правительство? Чёрт его знает. Обидно, если он счёл мои способности ограниченными, даже не поговорив со мной пяти минут. Глупо!

Мои размышления прервал М.:

– С вашего позволения, я тоже ненадолго покину вас. Необходимо переговорить с одним человеком. Давно разыскивал его, а он тут. Вы отпустите меня? – Сотворив букет учтивых слов, М. удалился.

– Весьма перспективный молодой человек этот М., – задумчиво произнес Р. – Думаю, он многого добьётся.

– Да, – согласился я. – Он ещё в университете отличался от многих наших сокурсников. Недаром его избирали старостой. А уж сколько славных пирушек замутил!

– Понимаю. И одобряю... Думаю, у него все будет хорошо. Однако, мне кажется, что и вы можете добиться нема-

лого. Вам не хватает уверенности в себе. И некоторой доли наглости.

Мне было приятно слышать такое. Важные люди редко обращали внимание на мою персону. Я слегка смутился.

– Мне казалось, что, не имея богатых родителей или достойного покровителя, трудно добиться чего-то, даже если ты прекрасный работник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.